

ЛитРес:

ВЛАДИМИР СУХИНИН

ЧУДЕСА В РЕШЕТЕ

Чудеса в решете

Владимир Сухинин

Чудеса в решете

«Сухинин Р.В.»

2021

Сухинин В. А.

Чудеса в решетке / В. А. Сухинин — «Сухинин Р.В.»,
2021 — (Чудеса в решетке)

Антон Загнибеда четко знал, чего хочет от жизни. Поэтому и пришел на работу в полицию, чтобы получить свой кусочек власти, сделать карьеру и преуспеть. Да и первое дело молодого стажера выглядело весьма простым и скучным – взять объяснение у бывшего профессора, которого соседи обвиняли в воровстве собак и кошек. Но эта встреча оказалась для студента юридического института роковой и изменила его жизнь навсегда. Став невольным участником эксперимента, он, по мнению профессора, отправился вместе с ним в прошлое. Действительность оказалась гораздо ужаснее, чем предполагал сумасшедший ученый. А перед несостоявшимся полицейским встал весьма непростой выбор...

© Сухинин В. А., 2021

© Сухинин Р.В., 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	22
Глава 3	37
Глава 4	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Владимир Сухинин

Чудеса в решете

*О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещения дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель.*

А. С. Пушкин

Глава 1

– Самойлов! Если твои сегодня не сдадут зачет по стрельбе, я напишу докладную. – В обшарпанных, много повидавших на своем веку высоких старых дверях появилась голова руководителя стрельб майора Платошкина.

Старший участковый широко растянул рот в неестественно приветливой улыбке.

– Семеныч, дык мои уже собираются. Вот жду участковых с Касинки, и идем дружно на инструктаж.

– Жду еще полчаса, а потом еду на стрельбище, вы всех задерживаете.

– А сколько это «всех»?

– Всех – это всех...

– Так вроде все уже отстрелялись.

– Не все... Ваши дармоеды еще не стреляли и... кадры.

– Ка-адры, – с наигранным уважением протянул Самойлов. – Ну, дамам из кадров мы можем уступить стрелять первыми, Семеныч. Выше кадров только Солнце.

– Миша, хватит паясничать. Мне отчет о проведении стрельб за квартал сдавать нужно.

– Так сейчас все будут, подожди малость. С Касинки добираться, сам знаешь, не ближний свет.

– Пусть заранее выезжают! – голова Семеныча исчезла. Дверь с гнусавым скрипом захлопнулась.

Самойлов вздохнул и набрал вызов. В смартфоне раздались гудки, затем веселый голос ответил:

– Слушаю, Михаил Васильевич.

– Светлов, вы где?

– Подъезжаем уже. Нас стажер на своей тачке подвез. Меня и Панченко. Очень аккуратно едет...

– Понятно. Его тоже берите с собой. Там Семеныч уже рвет и мечет.

– Михаил Васильевич, еще минут десять, и будем.

– Хорошо. Сразу в актовый зал на инструктаж.

Самойлов отбросил смартфон и раздраженно выругался.

– Твою мать...

Одни наезды со всех сторон, а он хоть разорвись. Участковых не хватает, стол делами завален... Вот еще заявление. Пропадают кошки и собаки.

«И что? Их теперь искать?..»

– Бред! – раздраженно и тихо проговорил он, осуждающе качая головой. «И это дело взял на контроль начальник полиции! Куда катится мир?.. – боясь это произнести вслух, поду-

мал Михаил Васильевич. – А я-то думал, что раньше было плохо... Охо-хо! Дожить бы до пенсии...»

Дверь вновь противно заскрипела, как старый участковый, которого беспокоят по пустякам, и без стука ввалился немолодой полный капитан Панченко и следом зашел, стараясь не привлекать к себе внимание, молоденький, высокий, крепкий парнишка. Он даже ссутулился, стараясь спрятаться за Панченко.

– Василич, наши все прибыли, – с одышкой быстро протараторил участковый. – Это новый стажер из школы милиции. Вот представить привел, – переводя дух, произнес он.

Глаза старшего участкового блеснули. На его худом лице появилась хищная улыбка.

– Кто такой? Откуда прибыл?

– Антон Загнибеда. Из Новосибирского филиала Барнаульского юридического института.

– Служил?

– Так точно!

– Где?

– В Гюмри. Мотострелок. Пулеметчик.

– Что за фамилия такая... э-э странная.

– Из казаков мы. Запорожских.

– Украинец?

– Чистый русский. С Кубани.

– Чистый русский, – усмехнулся Самойлов, – с такой-то фамилией... Ладно, сейчас на инструктаж. Потом получать оружие и вместе с Николаем... Хм... Капитаном Панченко на стрельбище.

– Так за мной табельное оружие еще не закрепили.

– Ты зачеты сдал?

– Сдал.

– У психолога был?

– Был.

– Коля, ты в приказ его подавал?

– Подавал, Василич, ты в отпуске был. Он рапорт писал. Евкубов завизировал.

– Хорошо, значит, пусть получает табельное, и на стрельбище... Идите уже, – махнул рукой Самойлов. – Вас Семеныч с дамами заждался... И это, Коля, стой. По дороге заскочишь в дачный поселок. По адресу проверишь там. Заявление вот возьми. Он протянул лист участковому.

– А что там?

– А там, Коля, – ехидно произнес Самолов, – собаки и кошки пропадают. И есть жалоба на одного сумасшедшего.

– Ты серьезно?

– Серьезней некуда. Там резолюция начальника полиции. Ты почитай по дороге. Ваш район.

– Ну прям чудеса в решете! – обескураженный участковый забрал заявление и вышел. Стажер поспешил следом.

Полный участковый с темным, промокшим воротником форменной рубашки вытер платком пот со лба, надел фуражку и беспомощно огляделся. Взгляд его пал на стоящего стажера.

– Так, Александр...

– Я Антон...

– Для дела не важно, Антон. Вот тебе первое самостоятельно задание. Перед стрельбами заедем к этому сумасшедшему и возьмем объяснение. Потом завтра уже ты самходишь по соседям, спрашиваешь и напишешь обстоятельный отчет. Что тут и как. Понял?..

Антон был крепким, высоким парнем. Но по складу характера застенчивый и нерешительный, в отца. Понимая, что в жизни с таким характером прожить трудно, пошел на рукопашный бой. Думал приобрести там уверенность. После армии поступил в полицию и отслужил два года в роте ППС. Был он неглупым и, хотя это ему не нравилось, все же понимал, где надо «лизнуть», где промолчать. Собрал деньги, сумел поступить в Новосибирскую бывшую школу милиции. Специально уехал в Сибирь. Там нравы попроще и цены ниже.

– А куда мне еще идти? – спрашивал он у отца. К бизнесу я не предрасположен. Инженеры никому не нужны... Рабочим на стройку идти или таксистом работать? Нет уж, я пойду учиться. Полиция – это все же власть, папа.

– Власть-то она власть, сынок, только она человека портит, эта власть...

Антон это прекрасно понял еще с армии. Контрабас¹, дагестанец, командир отделения невысокий, худой, хорошо говоривший по-русски, поучал молодых солдат:

– Вы думаете, вы Родине служите, салаги. Забудьте! Вы служите мне, я взводному, тот ротному. Это называется вертикаль власти. И я для вас и мать, и отец, и Родина. Понятно?

Строй новобранцев вразнобой ответил:

– Так точно!

– Ну если понятно, то меня как командира нужно любить и обо мне заботиться. Мигом в «чипок»² и несите кофе, и пирожные...

Антон понял сразу. Ты или в системе, или система против тебя. Находиться в системе было трудно, но выгодно. Поэтому он не спорил, а соглашался с начальством.

– Понял, товарищ капитан. Заехать взять объяснение и провести расследование. Отчет представить вам. – Антона несколько обижало то, что Панченко не мог запомнить его имя, и раздражала вечная присказка к любому разговору: «Ну прям чудеса в решете!»

– Все верно. Пошли, стажер.

После инструктажа, получив «макаров»³, наплечную кобуру для оперативных сотрудников, и расписавшись за все это, Александр, который Антон, сел в свою старую «мазду» и подождал Панченко.

– Город знаешь? – спросил участковый.

– Плохо.

– Тогда следуй вон за той «грантой»⁴, – указал участковый пальцем на коричневую машину, вырливающую со стоянки. – Как за город выедем. повернешь направо, там указатель будет на дачный поселок. Давай шевелись, студент, не спи! – прикрикнул он и погрузился в чтение заявления. Читая, он несколько раз повторял:

– Ну прям чудеса в решете! – Антон неодобрительно покосился на участкового, но скромно промолчал.

За городом свернули направо.

– В поселке всего две улицы, Садовая и Новая, – пробурчал Панченко. – Нам на Садовую. Знаю я этого сумасшедшего. Бывший преподаватель в институте. Профессор. Горе от ума. Что-то стал изобретать, работу бросил, носился по инстанциям со своим изобретением... и попал в психушку. Лечили его, да, видать, недолечили. Но вроде тихий... Раньше проблем с ним не было... Жрать он, что ли, начал собак с голодухи?.. Здесь налево поверни, и третий дом по правой стороне его будет. Ты, Александр, быстро опроси его, а я в придорожное кафе смотаюсь, с утра не ел. И еще день нежрамши будем. Тебе чего взять?

– Не, не надо, товарищ капитан. И я Антон.

¹ **Контрабас** – военнотружаший-контрактник.

² **Чипок** – солдатская кафешка на территории воинской части.

³ **«Макаров»** – 9-мм пистолет Макарова (ПМ), разработанный советским конструктором Николаем Федоровичем Макаровым в 1948 году.

⁴ **«Гранта»** – российский переднеприводной автомобиль малого класса Волжского автомобильного завода.

– Ну тогда, Антон, забирай заявление и иди работай. Да, вот еще что. – Капитан захлопнул дверь машины с таким звуком, что стажер поморщился. – Называй его профессором. Он это любит.

Антон кивнул и подошел к калитке. Осмотрелся. Небо уже затянуло темными тучами. Солнце скрылось, и сразу потемнело. Из-за туч порывами подул холодный ветер, неодобрительно зашумел листвой.

Антон поежился и оглядел дом. Забор из металлопрофиля вишневого цвета. Высота метра два. Калитка сварена из крепкого металла и покрашена в коричневый шоколадный цвет. Звонка нет.

Он толкнул калитку, и та неожиданно оказалась незапертой. Прошел по бетонной дорожке к крыльцу одноэтажного дома, опрятного на вид, выкрашенного бежевой краской по короеду, и постучал в металлические двери. Подождав, стал стучать громче.

– Иду-у! – послышалось за дверью. – Уже иду. Не ломайте дверь.

«Ее, пожалуй, сломаешь!» – разглядывая толстый лист стали, усмехнулся Антон. Через несколько секунд раздались щелчки, и дверь открылась. На пороге стоял невысокий, полноватый, полностью лысый мужчина в очках, с осунувшимся, желтушного цвета лицом, и, подслеповато щурясь, смотрел на гостя.

– Вам кого? – спросил он. Голос у мужчины, отметил Александр или, как его звали все друзья, и к этому он привык, Антон, был бархатный, приятный, располагающий. Настоящий профессорский.

– Мне нужен господин Ительсон Леонид Иосифович.

– Это я, а чем, собственно, обязан? – Мужчина снял очки, протер полую рубашки навывпуск. Снова надел очки и требовательно посмотрел на визитера.

– Я помощник участкового, сержант Загнубеда Антон Владимирович, – ответил стажер и показал развернутое удостоверение. – На вас жалоба поступила... Нарушаем.

– Какая жалоба?.. От кого? Что за бред!

– Жалоба от соседей. Вы у них кошку и собаку украли. Камеры наблюдения все зафиксировали. Они боятся, что вы их съели или еще что хуже сделали. Вот, у меня заявление от гражданина Евстахьева Игоря Андреевича.

– Съел? – удивленно переспросил профессор и растерянно добавил: – Не ел я их ...

– А что вы с ними сделали? – улыбнулся Антон, понимая, что профессор уже сознался и нужно его додавить. – Можно пройти в дом и там составить объяснение? – голосом, в котором было больше приказных ноток, чем вопросительных, сурово спросил Антон. – Если животные живы, верните хозяевам, и дело закроем.

– Проходите, – сдался профессор и отошел в сторону. Он пропустил сотрудника полиции и в растерянности потирал руки.

Антон зашел в дом. Увидел чистые полы из светлого ламината и разулся. Прошел к столу, стоящему посреди большой комнаты, положил папку на стол и, уже улыбаясь как можно дружелюбнее, спросил:

– А где животные?

Профессор замялся:

– Понимаете, кошечка здесь, а собачки нет.

– А где собачка? – подыгрывая странному профессору, вежливо спросил Антон. – Погулять вышла?

– Можно и так сказать, – вздохнул хозяин дома и с обреченным видом, словно понимая, что все равно ему не отвертеться, произнес: – Понимаете, это долго объяснять, лучше я вам покажу. – И, заметив, как посуровело лицо полицейского, поспешно ответил: – Это недолго. У вас минут десять есть?

– Минут десять есть.

– Ну, тогда пройдемте в лабораторию. – Хозяин первым, шаркая домашними тапочками, пошел дальше в дом. Стажер вынужден был последовать за ним.

Лаборатория Антону показалась чем-то средним между кухней и электростанцией. Посредине большой комнаты стоял прибор, вернее, круг, который вращался с большой скоростью. Вокруг него вращались маленькие цилиндры. Над кругом висела клетка, в которой мирно сидела и вылизывалась кошка. Стол с несколькими ноутбуками – вот и вся обстановка лаборатории, не считая десятка микроволновок без дверец, стоящих на подставках вокруг установки, которую Антон определил как электростанцию.

Он осмотрелся и задал вопрос:

– Ну, кошку вижу, а где собака?

– Позвольте, я сначала расскажу, что вы видите перед собой. Это займет от силы пару минут. – И, видя нахмуренные брови полицейского, поспешно произнес: – Без этого не понять, куда пошла погулять собачка.

– Хорошо, говорите, но учтите, у нас мало времени.

– Да-да, я понимаю и надолго вас не задержу. Вы знакомы с основами физики?

– Ну... только в пределах школьного курса.

А что-нибудь слышали о двигателе Серла⁵ и Филадельфийском эксперименте⁶?

– Простите, профессор, – пытаюсь скрыть подступающее раздражение, ответил Антон, – но мои познания в физике не столь глубоки...

– А и не надо! – с каким-то проявившимся юношеским задором махнул рукой хозяин. – Вот перед вами образец двигателя Серла. Он запускается от розетки и сети в 220 вольт и, когда выходит на режим 550 оборотов в минуту, начинается процесс ускорения вращения ротора. Эта вон та штука посредине. Вернее, их там три. Но они скрыты под кожухом. Скорость увеличивается, и двигатель перестает потреблять энергию, а начинает ее производить. Этот генератор выдает мощность семь киловатт. У него интересные свойства. Температура генератора резко понижается, создается сверхнизкая температура, исчезает момент трения, и возникает эффект антигравитации... Понимаю, вы думаете, как и все, что я сумасшедший. Я к этому уже привык. Но мне важно в этом двигателе другое. Это то электромагнитное поле, которое он создает. Когда генератор выходит на рабочий режим, вокруг него ясно видно розоватое свечение. – Профессор поднял палец, привлекая внимание и, изменив тембр голоса и возвысив его до театральности, произнес: – Если облучать это свечение токами сверхвысокой частоты, мы разгоняем частицы этого поля до сверхсветовой скорости. Помните, я вас спросил о Филадельфийском эксперименте? Там американцы облучали целый корабль. Так вот, корабль исчез, а потом появился... – Заметив полное недоумение на лице полицейского, профессор покладисто махнул рукой. – Ну не знаете... и не надо. В нашем случае возникает эффект перемещения во времени. На отдельном участке пространства время начинает вести себя по-другому. И все объекты, попадающие в эту область, уходят в прошлое или будущее.

Теперь Антон окончательно убедился, что имеет дело с сумасшедшим. А тот подошел к столу, пошевелил мышкой, подключенной к ноутбуку, и в комнате раздался тихий нарастающий гул. Затем температура в комнате резко упала. Вокруг вертящегося прибора появилось розовое свечение. Кошка в страхе зашипела и исчезла вместе с клеткой.

Ошарашенный стажер сглотнул комок, застрявший в горле. Посмотрел на лысого ученого и срывающимся голосом крикнул:

– Профессор, немедленно прекратите ваши фокусы и верните кошку.

⁵ **Двигатель Серла** – Английский ученый Джон Серл (родился в 1932 г.) утверждал, что создал двигатель, вырабатывающий эл. энергию и создающий антигравитацию.

⁶ **Филадельфийский эксперимент** (англ. Philadelphia Experiment) (известный также под названием «Проект «Радуга»») – городская легенда про эксперимент, проведенный ВМС США 28 октября 1943 года, во время которого якобы исчез, а затем мгновенно переместился в пространстве на несколько десятков километров эсминец «Элдридж».

– Не беспокойтесь, господин полицейский. Она сейчас вернется сама. Мы не можем такой малой мощностью пробивать время надолго.

И точно, секунд через десять клетка появилась вместе с испуганной кошкой. Та, увидев людей, жалобно замыкала.

– Вот видите, кошечка вернулась, а собачка вырвалась из клетки и осталась там. Я по забывчивости, забыл, видимо, закрыть клетку.

– Где там?

– Точно не знаю. В прошлом или в будущем...

– Вы сумасшедший? – непроизвольно вырвалось у Антона. Он гневно уставился на мучителя кошек. – Ну прям чудеса в решете! – повторил он присказку Панченко. Взгляд его стал злым. Он злился на себя за то, что подцепил эти слова-паразиты. Но профессор принял его взгляд на свой счет и, суетясь у стола, стал снова двигать мышкой.

... – Я сейчас, господин полицейский... Мы расширим зону поиска и попробуем найти собачку... Не беспокойтесь... вот. Сейчас.

Снова загудело, стало еще холоднее, и вдруг комната пропала. В подступившей на миг темноте Антон почувствовал сильный приступ тошноты.

Когда он стал способен снова видеть, то обмер...

Он стоял посреди поляны в лесу в одних носках. Его волосы развевал теплый ветерок. Кружили и пищали комары. Клетка с кошкой стояла в неестественно зеленой траве, возле его ног, а рядом оглядывался довольный и улыбающийся профессор.

– Мы где, профессор? Это что? – заикаясь, со страхом и удивлением спросил Антон.

– Ну, точно не знаю. Может, в прошлом, может, в будущем. – Профессор стал оглядываться. – Вы, господин полицейский, далеко не отходите, иначе тоже, как собачка, останетесь здесь. – Он спокойно нагнулся и стал рассматривать что-то возле его ног. Сорвал травинку и стал изучать. Затем нагнулся еще раз и поднял букашку. – Даже не определишь – произнес он. – Насекомые странные, словно мутировали. И вроде жук, и вроде... нет. И вон, смотрите, – он указал на ближайшее к ним дерево. – Листья, как у березы, а кора серая...

– Профессор, возвращайте нас назад...

– А собачка?.. Кроме того, там таймер времени поставлен на три минуты.

– Да черт с ней, с собачкой, – Антон затравленно оглядывался. Все было натуральным – и трава, и ветер... и кусачие комары. На мистификацию или гипноз не похоже. – Напишите, что покормили ее и отпустили...

В это время в кустах раздался лай. И на поляну выскочил охотничий русский спаниель. Он увидел людей и с радостным повизгиванием бросился к ним.

– А вот и собачка! – радостно закричал профессор. Он достал смартфон и стал снимать. – Без снимков нам с вами не поверят, господин полицейский, что мы побороли время... смотрите, какой экзотический экземпляр!

Следом за спаниелем из кустов выбежал запыхавшийся странный человек. Почти старик, с растрепанными волосами. В нелепом костюме, который даже трудно описать. В кожаные сапоги были заправлены полосатые клоунские штаны. Серые волосы развевались на бегу.

«В кольчуге? – удивился Антон. – Откуда?»

Старик широко открывал рот, задыхаясь от бега. Его лицо передернуло судорога. В руке он держал настоящий меч. Он тоже увидел людей и, закричав что-то на непонятном языке, побежал прямо к ним. Антон непроизвольно выхватил из наплечной кобуры пистолет и закричал:

– Стой! Стрелять буду!

– Не вздумайте! – воскликнул изобретатель. Вспомните об эффекте бабочки!

Но его не слушали ни собачка, ни стажер.

«Какие на хрен бабочки!» – Антон передернул затвор и вновь закричал:

– Стой, стрелять буду.

Но человек, размахивая мечом, прихрамывая, бежал к ним. Антон выстрелил в воздух. Собака прыгнула к нему и, дрожа, прижалась к ногам. А из кустов выскочило еще двое вооруженных, звероватого вида мужчин. Их густые лохматые волосы на голове сливались с такой же косматой бородой, оставляя на обозрение лишь крупные носы и горящие жаждой убийства глаза. На телах – меховые безрукавки и серые юбки. Они бежали вслед за стариком и воинственно потрясали короткими копьями.

– Видимо, прошлое. Средневековье, – совершенно спокойно, продолжая фотографировать, произнес профессор. – Мы с вами первые люди, что побывали в прошлом... А старик похож на Дон Кихота... Вы не находите?

Но стажер находил, что он влип. И что делать, не имел ни малейшего представления. А вдруг это просто постановка? Вас снимают скрытой камерой.

В это время один из преследователей метнул копье, и оно ударило старика в спину, отчего тот, широко раскинув руки, пролетел пару шагов и упал на живот. Второй размахнулся... и Антон ждал, когда оно полетит в него, не стал. Он упал на землю и кубарем покатился в сторону. Следом с визгом сорвался спаниель. Ошалевший от всего происшедшего стажер встал на четвереньки, и не оглядываясь, побежал за ближайшее дерево. Он надеялся, что в высокой траве его не будет видно. Когда он, трясущимися руками ухватившись за ствол дерева, поднялся и выглянул, то от увиденного застонал. На земле лежало уже два тела, и одно из них было профессорским. Из его груди торчало копье. Но он продолжал счастливо улыбаться даже после смерти. А то, что профессор скорее был мертв, чем жив, Антон понял сразу. Но ему было некогда думать о судьбе сумасшедшего профессора. Его заботила своя судьба, а с приближением двух амбалов с дубинами она могла сделать крутой поворот к скоротечной, но болезненной смерти. Не размышляя больше о том, что это может быть розыгрыш, стажер поднял пистолет и почти в упор дрожащими руками сделал четыре выстрела. Не добежав два шага до него, убийцы упали. Антон выскочил из-за дерева и, перепрыгивая через тела дикарей, бросился со всех ног к профессору. Уже в двух шагах от тела он понял, что опоздал. Тело профессора и клетка с кошкой мгновенно растаяли в воздухе, как будто их и не было. И, сделав два последних быстрых шага, Антон остановился у набежавшей на примятую траву лужицы крови. Это все, что осталось от чокнутого изобретателя, сумевшего создать машину времени.

Сознание стажера дало странный выверт. Первое, что ему пришло в голову, это то, что Панченко не дождавшись его, войдет в дом и там... Там он обнаружит тело профессора с копьем в груди. А... а его стажера Загнибеду не найдет...

«О боже! Он же подумает, что это сделал я!.. И скрылся с места преступления с табельным оружием», – в паническом страхе промелькнули мысли, и им на смену пришло понимание, что он вляпался. Вляпался по самое не хочу!

О чем он думает? Какой к черту Панченко! Как вернуться из этого чертова прошлого?.. А может, надежда есть? Сотрудники полиции просмотрят снимки со смартфона профессора и увидят картину... Дальше его мыслительный аппарат дал сбой. Он схватился за голову, и такой отборный мат разлился по окрестностям, что замолчали даже птицы, прислушиваясь к тому, что извергал из своих уст человек.

– Как много слов, и все непонятные... – неожиданно прозвучало у него в голове. Антон споткнулся на полуслове и резко обернулся. На него печальными глазами смотрел старик и морщась от боли, призывно махал ему рукой, приглашая подойти.

Антон осмотрелся. Вокруг, кроме них двоих и спаниеля, никого не было.

– Вы говорите по-русски? – спросил Антон, и спасение забрезжило у него на краю сознания. Он подбежал к старику. В правом плече у того торчало копье.

– Нет, сын мой, это рунный амулет знания переводит мои слова, – вновь прозвучало у стажера в голове. – Мне нужно многое тебе объяснить... я ждал тебя... время мое уходит, поторопись...

– Где я? – не слушая бреда старика, спросил Антон. – Куда я попал и как отсюда выбраться?..

– Подожди, сын мой. Я все тебе объясню.

Антон потер ладонями лицо, прогоняя сон или наваждение. Но все осталось на своих местах. Лес, поляна, лужа крови, впитавшаяся в землю. Старик и два мертвых громилы. Лишь из ближайших кустов, поскуливая, вылез спаниель и потрусил к нему.

Стажер на деревянных ногах прошел остаток пути к старику и присел рядом. Профессиональные навыки все же сказались, и Антон постарался взять себя в руки.

– Вам надо к врачу, и срочно – сказал он, разглядывая глубоко вошедшее копьё, – иначе вы истечете кровью и может случиться заражение...

Старик лежал на боку. Копьё, пробив кольчугу, глубоко сидело в плече и, видимо, вызывало сильную боль.

– Не думай об этом... мое время подошло к концу... я хочу тебе передать то, что хранил для тебя долгие годы.

– Вы уверены, что это именно я? – отстраненно спросил Антон, одновременно размышляя, что делать дальше, и не мог собраться с мыслями и определиться. Он просто впал в шок от всего того, что случилось как нечто невообразимое, чего он не хотел принять, во что не хотел верить... И чего по сути никогда не должно было случиться. Он застрял в прошлом.

Антон потерял способность думать. Мысли бегали сами по себе, сменяя одну другой, но, не найдя опоры, убегали.

«Мне нужно знать, где я, и отсюда плясать», – зацепился стажер за первую логическую мысль.

– Скажите, где я? – спросил он, посмотрев в глаза старику.

– Правильный вопрос, сынок. Ты на моих землях. Я рыцарь, владетель замка «Грозовые ворота» у Алуринских гор. Робарт Алуринский... Но мне так трудно говорить. Вот, возьми этот эликсир «Истинного знания» и выпей. Тогда ты станешь понимать общеимперский язык и несколько других языков. Старик с трудом вытянул руку и разжал ладонь. Из нее выпал на траву и почти затерялся в ее зарослях, красивый, по-видимому, хрустальный флакон.

– Выпей, не бойся. Иначе ты здесь погибнешь... И двух ночей не проживешь.

Антон поднял флакон, открыл пробку и принялся. Пахло дорогим коньяком. Коричневой жидкости было грамм сто, не меньше.

«Коньяк мне точно сейчас не помешает», – мысленно согласился Антон и выпил. Приятное тепло пробежало по пищеводу, голова прояснилась, и он неожиданно для себя спросил старика на совсем другом, но понятном ему языке.

– Во лур иль лома оверью? – Это звучало так. А смысл был простой. – Вы знаете, где я нахожусь?

– Мы находимся, сын, во владениях рыцаря Робарта Алуринского, я вассал барона Газана Рейдеранского, он вассал графа Мольта Кинсбрукского, тот вассал герцога Оврума Маренхейского. А тот служит королю Августу Волосатые ноги. Сей монарх правит королевством Кемерстат. Вот как называется эта страна.

Антон не услышал ни одного знакомого ему названия.

«Странное прошлое, – подумал он. – Может, очень древнее?»

– А как называется этот мир? – спросил он. Глядя на старика, он понимал, что ничего для раненого сделать не может. Он не врач. Как лечить такие раны, просто не знал. И если он выдернет копьё, то может сделать еще хуже. Поэтому лишь задавал вопросы, которые его сильно интересовали. В его душе теплилась надежда, что там, в будущем, откуда он прибыл,

разберутся в аппаратуре ученого. Почитают его записи, посмотрят снимки и смогут вернуть его обратно. Но ум подсказывал ему, что ничего этого делать не будут. Он знал, как работает система. Висяк никому не нужен. Его объявят подозреваемым по делу об убийстве профессора. Объявят в розыск, и дело спокойно будет забыто. А вся аппаратура будет исследована учеными (причем очень долго она до них будет идти), которые назовут лысого изобретателя шарлатаном и засекретят его работы. Стажер в своем мире уже никому не нужен.

– У этого мира нет еще названия, сын. Люди разобщены, и живущие на западе, не знают кто живет на востоке, а живущие на юге не знают, кто живет на севере и есть ли земли за океаном. У меня мало времени. я расскажу тебе главное. Я, как и ты, попал сюда из другого мира...

Антон вздрогнул и удивленно посмотрел на старика.

– Да, да. Так же, как и ты, я был выдернут из своего мира и попал в межмировую воронку. Это не прошлое и не будущее твоего мира. Это совсем другая вселенная. Я оставил тебе записи и, прочитав их, ты все поймешь. Мне пришлось потратить все свое состояние на астрологов, чтобы они сумели вычислить, где и когда откроется переход. Я ждал тебя больше тридцати дней. Сначала сюда попадали тела кошек и собак. Их что-то разрывало на части при переходе. Видимо, миры не до конца соединились. Потом появилась первое живое существо. Я выпустил его из клетки. Несколько раз появлялась кошка в клетке, и, вот радость, появился ты.

– Я?.. Но зачем я вам нужен? И это... Я попал сюда совершенно случайно. Может, вам нужен был тот лысый ученый, что погиб и мертвым вернулся обратно? Он думал, что перемещается во времени.

– В жизни, сынок, нет места случайностям. Все закономерно. Это твои шаги по жизни привели тебя сюда. Я знаю, ты сейчас находишься в прострации и не можешь до конца понять, что с тобой произошло. Но дело в том, что этот мир когда-то процветал. Тут развивались магические искусства, и были они на очень высоком уровне. Тут была странная высокоразвитая цивилизация. Но затем что-то случилось, и магия стала исчезать из этого мира, и он впал в темные века. Вновь появились мечи и копья. Прав стал тот, кто был сильнее, и прав у него стало больше. И в этот мир стало забрасывать людей из других миров. Почему это случилось и сколько таких, как мы с тобой, я не знаю. Но это владение, которое сейчас принадлежит мне, переходит в наследство только иномирцу. До меня был иномирец, и после тебя тоже будет иномирец. Когда придет время готовиться к приему наследника, ты почувствуешь...

– Но почему я? Что я должен буду тут сделать? Я простой студент...

– Ты студент, а я почтальон. Разносил письма и газеты. Что ты будешь должен сделать, не знает никто. Мы как-то должны повлиять на этот мир... но как?

– Вы что-то сделали?

– Нет. Просто жил, сражался... и все. Когда почувствовал, что пришло время уходить, стал искать место и выяснять время перехода. Оно всегда возникает в этих горах, но в разных местах. Астрологи могут вычислить точки пресечения миров. Но стоит это очень дорого. Я растратил все свое состояние, собранное годами. Ты все узнаешь из моих записей...

Голос старика слабел. Он зашевелился, достал трясушимися руками из сумки на поясе свиток. Взял его в руку.

– Пора... Уже скоро. Назови свое имя, оно попадет в наследственную грамоту.

– Антон.

– Антей. Хорошее языческое имя. Достойное рыцаря. Кратко и сильно.

– Вообще-то Антон, – автоматически поправил его стажер. Он не мог уместить в голове слова этого странного чудака. Может, еще один сумасшедший свалился на его голову?

– Тут нет ваших имен, сын, будешь Антеем. Привыкай.

– Меня так друзья звали, – ответил Антон. – Не сложно привыкнуть... Но почему вы один, если у вас свой замок. Наверное, есть и воины?

– На встрече я должен быть один. Таковы правила. И провести инициацию. Вот, готово. Возьми эту грамоту. Теперь ты мой наследник. Скоро сюда прибудет мой старый слуга. Я уже не доживу. Покажешь ему грамоту, а меня похороните в семейном склепе. Там лежат восемнадцать твоих предков, Антей.

– Давайте, я вытащу копье и перевяжу вас, – опомнился Антон и потянулся за копьем.

– Когда приходит наследник, старый владетель покидает это бренный мир.

Голос старика стал еле слышным.

– Скоро, моя Розочка, мы будем вместе, – прошептали его губы. – Как и в старые добрые времена... Он растянул губы в улыбке и затих. Голова старика безвольно откинулась назад, а глаза уставились в небо. Спаниель, что терся о ноги Антона, задрал голову к небу и тоскливо завыл. По телу стажера пробежала дрожь, и ему самому захотелось выть от тоски и той несправедливости, что случилась с ним. Он нащупал крестик под рубашкой, вытащил его и сжал в кулаке.

– Боже! За что ты так со мной!? – прошептал он.

Стажер смотрел в голубизну неба, в глазах стояли слезы. Он искал в небесах ответ, которого там не было и быть не могло. Антон сел и обхватил руками голову. Спаниель перестал выть и теперь поскуливал. Стажер вытер выступившие слезы, подхватил собаку и прижал к груди.

– Одни мы с тобой, пес. Одни в этом чужом для нас мире. – Он уткнулся лицом в собачью шерсть, псина, извернувшись, лизнула человека в нос.

Антон присидел, не вставая с места, до вечера. Когда здешнее солнце стало скрываться за макушками деревьев, на поляну выехал всадник. Он спешил и подбежал к старику.

– Милорд! Вы живы? – засуетился он, упав на колени и теребя мертвое тело.

– Оставь его, – устало произнес Антон. – Он уже в небесных чертогах.

Человек поднял голову. Это был такой же старик, как и тот, что только что умер. Он удивленно посмотрел на незнакомца. По щекам его текли слезы.

– А вы... Кто вы такой?

– Вот, – прижимая одной рукой к себе спаниеля, который заворочался и рыкнул, другой протягивая старику свиток.

Тот молча принял грамоту, развернул и вслух прочитал:

– «Сквайр Антей Алуринский, милостью судьбы сын и наследник рыцаря Робарта Алуринского, владетеля замка «Грозовые ворота» у Алуринских гор».

– Милорд! – старик поднялся и поклонился. – Примите мою верность. Робарт Алуринский умер. Да здравствует Антей Алуринский!

Затем сел, как ни в чем не бывало. С натугой вытащил копье и отбросил его в сторону.

– Значит, у милорда все получилось – произнес он. – И наследник появился, как он и говорил. А я уж думал, он на старости лет сбрендил. Все потратил на жулье... эх, хе, хе. Жаль, себя не уберег, а я ему говорил: «Робарт, там горцы охотятся, будь осторожен». А он знаете, что мне ответил?..

Такой перепад настроений старого слуги весьма удивил Антона. То он плакал, а теперь говорит о хозяине как о выжившем из ума чудаке, и притом без всякого почтения к мертвому.

– Он мне ответил, что его хранит судьба. Да уж. Это кто их?.. – старик поднялся и показал рукой на мертвых бандитов. – Робарт или вы?

– Я.

– И собачка ваша?

– Теперь моя.

– Понятно. – И Антон почувствовал скепсис в словах старика. И взгляд, который тот бросал на пса, дал ему понять, что спаниеля он ценит невысоко. – Вы его берегите, а то лисы сожрут или волки.

– Он – охотничья собака.

– Охотничья? И где ж такие маломерки водятся?

– Далеко.

– Понятно, что не близко. Ежели бы водились близко, я бы о таких охотничьих собаках знал. Вставайте, милорд, погрузим вашего отца на лошадь и поедem в замок. Только сначала поищем, может, что ценного есть у горцев.

Старик подошел к телам, без стыда задрал им юбки и срезал ножом найденные под ними небольшие сумки.

– Одна медь, – недовольно пробурчал он, – Ан нет, есть серебрушка. – Он ссыпал содержимое кошелей горцев в свою поясную сумку и пристроил в чехол у седла их копье, убившее его милорда.

– Головы вы резать будете, или мне это сделать? – будничным голосом, как будто речь шла о нарезке колбасы, спросил старик.

– Зачем?

– Что зачем, милорд?

– Зачем головы резать?

– А как вы докажете, что отомстили за отца? – удивился в свою очередь старик. За одного убитого нужно убить двоих. Это все знают. Вы это сделали, и теперь нужно представить доказательства...

– Кому?.. Кому доказательства представлять?..

– Будем вашего батюшку отпевать, провожать в последний путь, как полагается. Приедет слугитель Заката и спросит, отомщен милорд или нет. Вы предъявите ему головы, и ваш батюшка без долгов будет препровожден в свой последний путь. Слугитель даст вам подтверждение, что вы свой сыновий долг выполнили. А когда поедете к барону получать рыцарское звание, то свидетельство это и представите. Это, милорд, все знают. И значит, испытание вам проходить не надо будет. Помогите мне вашего батюшку на коня взгромоздить. Он хоть и худой, но кости у него, видимо, из свинца сделаны.

Старик подошел к телу мертвого хозяина, отстегнул пояс с ножнами. Сам меч подобрал с земли. Обтер о юбку горца и вложил в ножны. Затем подал на вытянутых руках Антону.

– Примите, милорд, знак своей власти.

Стажер горестно вздохнул, отпустил на траву спаниеля и взял пояс. Застегнул на себе и почувствовал непривычную тяжесть.

– Так кто головы резать будет? – вновь поинтересовался старик.

– Режь ты, – ответил Антон и отвернулся. Неожиданно подумал, что не знает, как слугу зовут. За все время их разговора он не удосужился спросить его имя. Не оборачиваясь к сопящему слуге, наконец поинтересовался:

– Вас как зовут?

– Кого? – переспросил старик и перешел к следующему телу.

– Ну вас...

– Так я тут один. Других нет, милорд. Говорите вы как-то странно, загадками. Видимо, издалека прибыли. И собачка у вас издалека... и одежда... и сапог нет... Готово. Рейдеры-разведчики. Знатный трофей.

– Тебя как зовут? – догадался Антон и горько про себя усмехнулся.

«Сколько ему еще предстоит узнать о этом мире».

– Можно свистнуть. Можно крикнуть. Я сразу прибегаю, как услышу. Можно по имени позвать...

– Твою же мать... – не выдержал Антон и истерически расхохотался. Затем с минуту сыпал отборной бранью на русском.

– Сразу видно, что вы, милорд, ученый, – одобрительно произнес старик. – Небось, у греков учились. Столько слов, и все неизвестные.

Антон замер, он впервые услышал знакомое слово.

– У греков? – Он повернулся к слуге и глядя на того широко открытыми глазами переспросил: – У кого, ты сказал?

– Так у греков, милорд. Греки известные во всей империи ученые мужи. Ну так что, поехали? – Слуга держал в одной руке мешок с головами, другой придерживал своего коня.

– Ваш конь за теми кустами, милорд, – показал он рукой. – Сами сходите, или привести его.

– Сам. Приведу. Если дастся.

Это была семейная казачья гордость Загнибеды. Традиция, которую в семье соблюдали поколениями неукоснительно. Уметь скакать на коне и махать шашкой. Антон прошел за кусты и увидел привязного к дереву старого конягу. Он по возрасту лишь чуток уступал своему прежнему хозяину. Конь стоял, пофыркивая, и меланхолично жевал траву. На подошедшего молодого незнакомца он обратил такое же внимание, как на мух, что садились ему на бока и голову. Взгляд умудренного жизнью когда-то боевого коня, высокого, статного, мощного, а сейчас худого, показался Антону философским. Мол, все проходит. Стажер отвязал коня от дерева и, потянув за уздечку, вывел того на поляну.

– Он подо мной не сдохнет? – спросил он слугу.

– А че ему сделается? – небрежно ответил тот. – Вы только сильно не гоните его. Немолод уже. И вот, возьмите сапоги вашего батюшки. Негоже босым в замок въехать, пересуды начнутся... люди у нас темные, суеверные...

Натягивая сапоги, которые издавали еще тот запах и оказались несколько великоваты, проворчал:

– Вижу, что немолод.

Антон притопнул и одним слитным движением красиво влетел в седло. Конь под ним присел и выпрямился.

Слуга одобрительно крякнул:

– Умение, его не спрячешь. Следуйте за мной, милорд.

По дороге на спуске с крутого склона Антон пристроился рядом со слугой. Придерживая коня, спросил:

– Имя как твое?

– Флапий, милорд. – И со вздохом продолжил: – Беда у нас, милорд. У вас деньги есть?

– А что такое?

– Да наемники, которых нанял ваш батюшка, украли половину столового серебра и все золото с серебром, что было. А затем скрылись... Паскуды! И как таких земля носит? А батюшку отпевать нужно, и слугителю дать, и нам на что-то жить надо... Ох, беда.

– Что, совсем так плохо? – заинтересовано спросил Антон. – Батюшка перед смертью сказал, что он приготовил для меня что-то...

– Ваш батюшка за два года промотал на жулье все, что собрал. Он и так был не от мира сего. Все мечтал улететь... Как хозяин он был... – Флапий лишь молча покачал головой и замолчал.

Антон, думая о своем, протянул ему кошелек. Тот живо его схватил и открыл. Пятитысячную купюру небрежно выбросил. Затем та же участь постигла несколько тысячных купюр. Улетела за спину карточка Сбера, и наконец добрался до монет.

– А вот это уже лучше, – пробурчал он. – Медь, серебро. Деньги, они везде деньги. Здесь что выбито? – протянул он десятирублевую монету.

– Десять.

– Ага, десять дибаров, значит. А на серебре что?

Антон мельком глянул и улыбнулся.

– На этой монете один, на тех два и пять.

– Значит у нас двенадцать таланов серебром и двадцать дибар медью. Не густо, но хоть что-то.

– Вот, еще есть. – Антон снял с шеи золотую цепочку с крестиком и протянул Флапию. Тот быстро выхватил цепочку из рук и приблизил к глазам.

– Так вы крещенный?! – неожиданно произнес он.

– Ну да, – удивился Антон. – Крещенный.

– Это хорошо. Только странно, – проговорил он, возвращая цепочку. – Всех посвящают Рассвету. Это начало жизни, а вас Закату. Закат – это конец жизни и обретение мудрости... Но, видимо, провидица увидела вас на пути мудрости. Тогда все понятно. Повезло вам, милорд.

– Да уж, это точно, – горестно вздохнув, произнес Антон и подумал: «Повезло, так повезло. Ничего не скажешь...»

Чтобы уйти от мыслей, одолевающих его, Антон спросил:

– А как у вас отпевают?

– Как и везде, милорд. Сейчас приедем. Поместим вашего батюшку в ледник, и на девятый день, когда душа будет отвязана от тела, служитель Заката будет петь путеводную песню, направляя душу вашего отца в место своего нового обитания. Если человек по жизни шел правильно, не убивал других ради забавы, а только для поддержания чести или там на войне, не воровал много, не насильничал в мирное время, то он уйдет на небеса, а ежели гадил где попало, со скотом спал, то такие под землю идут, и гореть им там, пока не переродятся. А если душу не вести по ее последнему пути, она может затеряться. И начнет бродить, и маяться среди живых, и войдет в кого-нибудь, и тот станет одержимым. Таких только сжигать...

Слуга был словоохотливый, выдавал много разной информации, но кусками, из чего сложить целостную картину было трудно, но Антон и этому был рад. Теперь его жизнь, вопреки его желаниям, будет протекать здесь и, слава богу, что сквайром и владельцем, а не крепостным крестьянином. Если бы случилось такое, он бы сразу застрелился. Но это он всегда успеет сделать. Два патрона осталось в пистолете. А запасная обойма в бардачке машины.

– Вы, когда Закатный служитель приедет, покажите ему свой амулет. Он не будет с вас брать денег за отпевание. Со своих они не берут. Но когда ребеночка родите, то уж Рассветные с вас втридорога возьмут. Но до этого еще дожить надо.

Для Антона было странным, что Флапий не интересуется, откуда вдруг взялся сын рыцаря. Не аист же его принес. Но поднимать эту тему не решился. А что он скажет старому слуге? Что он из другой вселенной? Так его самого за сумасшедшего или, еще хуже, за одержимого примут. Лучше об этом молчать. Но понять, что делать дальше, нужно, и нужно знать побольше об этом рыцаре, что был так похож на Дон Кихота. Поэтому он решил расспросить слугу об убитом старике.

– Флапий, а расскажи мне об отце.

– О бывшем милорде? Да что рассказывать? Станным он был человеком. Все время говорил, что у него есть сын и однажды он придет на эту гору, и они встретятся... Да... А я не верил. Вот поди ж ты... – Флапий покачал головой. – Мы познакомились с вашим отцом, милорд, когда я был ребенком, годков восемь считай мне было. А теперь мне семьдесят четыре.

Артем мысленно удивился.

«Сколько же лет тогда было предыдущему владельцу? Выглядел он лет на семьдесят, не больше. Это сколько они тут живут?..»

– Мы ехали на Святую землю переселенцами. Тогда рыцари империи отвоевали ее у басерманов, и лишние рты из империи оправляли караванами обживать эти земли. Теплый край, вдоль рек урожай снимают по два раза в год. Нам не повезло. На наш караван напали пустынные разбойники из племени Ди Шар. Мужчин убили, а детей и женщин захватили для продажи. Они не знали, что следом за караваном ехал с отрядом отец нынешнего барона, которому служил ваш отец. Они немного отстали и подоспели, когда нас, пленников, делили. Барон

напал на бандитов, многих убили, а нас освободили. Отец ваш взял мою мать себе служанкой, и чтоб она ему согревала постель. Но в тот год случилось моровое поветрие на Святой земле, мать умерла, а меня милорд забрал с собой сюда. Я вырос и стал ему слугой-оруженосцем, а затем сенешалем замка. Отец ваш много читал. Зачем только столько читать? Ведь, поверьте мне, и это все знают, много знаний в голове не удержишь. Запомнишь что-нибудь одно, а другое забудешь. Голова, она же вон, – он постучал себя по лбу костяшками пальцев. – Маленькая...

– Иногда он рассказывал мне свои чудные сны. Как он где-то в другом мире, и там летают корабли по воздуху... Да много чего. Как по мне, милорд, ваш батюшка не очень дружил с головой. – Флапий говорил просто, как он видел своего господина, и не испытывал к нему, по всей видимости, особого уважения. – Вот, например, набрал наемников, – продолжил тот. – А зачем? Взял бы крестьян из деревни. Все лучше. А эти стали грабить крестьян, девок насиловать. Так одна деревня, которая расположена у медных рудников, взялась за вилы и прогнала вашего батюшку. Поймали одного наемника и на кол посадили. И, хоть тот был мечником, а ничего сделать не смог. Попал в вырытую ловушку. Так наемники больше туда не совались. На дорогах они грабежами занимались... Теперь ни ренты, ни меди. А наемники пригрозили, что если милорд будет возражать или пожалуется, его убьют. Так и жили, кормили дармоедов. Так что владение ваше, считай, в полном запущении. А весной барону нужно двадцать золотых империалов выхода отдать. А где их взять? Негде.

То, что Флапий кратко рассказал о своем бывшем хозяине, Антона мало порадовало. Что он был помешан на встрече сменщика, как себя назвал Антон, ему было понятно. Видимо, устал тут жить и решил поскорее уйти. Жил, видимо, без всякой цели и смысла. Разорил владение и решения принимал не всегда правильные. И по складу характера был добр. Вот же, деревню простил, с мародерами не ссорился или считал это ненужной суетой на склоне лет. Кто это знает? Сам он уже не расскажет...

– А много ли деревень во владении? – спросил Антон после того, как Флапий надолго замолчал.

– Было две, осталась одна. Та, что при замке, но выхода с нее нет. Раньше они филиссу сажали да масло давили. Был приличный доход. Пасека была. Мед, воск. Медную руду плавили и продавали. А потом все как корова языком слизала. Милорд продал все запасы семян, пасеку и деньги отдал волхвам.

– Да уж, прям чудеса в решете! – не выдержал Антон и повторил надоевшую ему фразу Панченко.

– Еще какие, милорд, – согласился Флапий.

– И что ж теперь делать? – чувствуя свою беспомощность, спросил Антон.

– Как что? – спокойно и решительно отозвался слуга. – Жить. Владения обустраивать.

«Обустраивать, – мысленно проворчал Антон. – Знать бы еще, как?»

Дальше ехали молча. Антон, углубившись в невеселые мысли, не смотрел по сторонам.

Как тут жить? Он не рожден феодалом. Как управлять всем, что ему оставили? И будут ли его вообще слушать? А, может, ну его к черту, этот мир! Подъехать к высокому обрыву и прыгнуть вниз? Вот и будет сразу решены все проблемы...

Но молодость и надежда на лучшее, жажда жизни толкали на другой путь. Тут тоже своя система, и в нее нужно вникнуть, быть внутри нее, и тогда она будет его защищать. Умереть он всегда успеет. На ум пришли строки из рассказа «Муму». Ко всему привыкает человек...

Привыкнет ли он? Сможет ли здесь жить, или закончит свой путь, пустив пулю в голову. Мрачные мысли. Страшные. Они шли вперемешку с желанием выжить.

По своей природе и характеру Антон не был отъявленным трусом, но и не был героем. Часто комплексовал от нерешительности. Потому и пошел в полицию, что там положение и форма ставили его как бы выше над простыми людьми. Давали ощущение своей власти и защищенности системой. Здесь тоже у него есть власть и, как он понимал, защита его прав.

Они спустились с горы и вновь выехали на пригорок, и с него открылся вид на замок под внушительным названием «Грозовые ворота». Последние лучи заходящего местного солнца, прощаясь, ласкали своими объятиями стены, окрашивая серый камень в розовые тона.

Антон представлял себе замок как темную мрачную громадину, перекрывающую перевал, и над этим большим и могучим замком, в его воображении, всегда бушевали грозы. Били молнии и гремел воинственно гром.

Но сам замок, к разочарованию Антона, представлял из себя каменную убогую башню с постройками, огороженную тыном. Стоял замок не на перевале, а у переправы через реку, на крутом берегу. Вокруг него были разбросаны десятки домишек, издалика казавшихся игрушечными.

– Вот оно, ваше владение, милорд. С прибытием. – Флапий показывал рукой на замок, и Антон не понял по его интонации, радовался он прибытию нового владельца или издевался. Но что он мог поделать? Он даже не знал, как должен вести себя владелец. Может, он владеет жизнями слуг и крестьян, а может, у них есть конституция, защищающая их права. Выгнали же крестьяне прежнего владельца, и тот ничего, только утерся. Может, и профсоюзы сельхозработников имеются...

«Да уж! Попал так попал!» – скрывая нарастающее огорчение и страх, подумал Антон.

– Челяди много в замке? – спросил он вслух.

– А это кто, милорд?

– Ну, кто живет в замке? Сколько людей? – стушевался Антон. Опять сказал невпопад.

– Людей-то? Это если баб за людей не считать, то, пожалуй... – он задумался, загибая пальцы. – Конюх Эрзай, он из степных кочевников. Кузнец Торвал, шер. Свинарь Акос и я. Ну, еще бабы. Их считать?

– Считай, – вздохнул Антон. Он все же подумал, что все-таки Флапий тайно над ним издевается.

– Ключница, тетка Илди. Кухарка Франси. Птичница Кили. Так что с бабами, если их за людей считать, нас там семеро.

– А баб, как ты говоришь, у вас за людей не считают? – осторожно поинтересовался Антон.

– Милорд считал, а так нет. Баба, она и есть баба.

– А что, у тебя жены нет, Флапий?

– Как нет? Есть, милорд. Франси.

– Кухарка?

– Ну да, кухарка.

– Что-то мало народу в замке.

– А кто еще нужен? – искренне удивившись, спросил Флапий.

– Ну, не знаю, – пожал плечами Антон и поправился: – Пока не знаю.

В замок въехали уже с темнотой. Покосившиеся ворота были раскрыты настежь. Никто их не встречал, и никому не было интересно, кто же это прибыл и за какой надобностью.

«Действительно, полное запустение», – упав окончательно духом, подумал Антон. Он понял, что Флапий нисколько не приукрашивал ситуацию, а рассказал все как есть. Его мнимый отец развалил все, что ему досталось от предшественника.

Въехав во двор, Флапий громко закричал:

– Эрзай! Торвал! Быстро сюда. – А затем, к удивлению Антона, небрежно сбросил тело своего бывшего милорда на утоптанную землю. Робарт съехал с крупа лошади головой вниз и, словно ненужный хлам, остался лежать под ногами лошади.

Антон, не выдержав, с нареканием произнес:

– Флапий, ты бы повежливей обращался с рыцарем. А то, как мешок с пшеницей, скинул милорда.

– А что ему будет? Ему теперь, милорд, все равно, – невозмутимо отозвался Флапий. – Перед отпеванием его бабы обмоют и приведут в должный вид. Пованивать, конечно, будет, но придется потерпеть...

– Эрзай! Торвал! Где вы? Я нового милорда привез. А старый-то помер!

Из пристройки, тоже каменной, с факелом в руке вышла низкая и очень широкая фигура. Слева появилась вторая, гораздо стройнее и выше.

– Ну и чего ты разорался? – густым басом произнес низкий и, подойдя поближе, с интересом уставился на Антона.

– Этот, что ли? – спросил он.

– Он. Он. Все, как и сказал Робарт. Был на горе с наследственной грамотой. А сэра Робарта убили рейдеры горцев. Но молодой милорд отомстил за отца. Вот головы. Держите. – Флапий кинул окровавленный мешок под ноги низкому. – Надо батюшку милорда отнести в ледник. Завтра мы с милордом съездим в обитель Заката и договоримся об отпевании.

– Ты что, деньги нашел? – усмехнулся низкий. Тот, что был повыше, все это время смотрел исподлобья и молчал. Лица в мерцающем свете факела различить было трудно. Но Антон и не стремился к этому. Он хотел упасть и забыться.

– А это что? – Низкий указал толстым пальцем на спаниеля. Собачка пригrelась и прижавшись к животу Антона, уснула. Он поддерживал ее нежно и осторожно, как самое дорогое, что у него осталось от прежней жизни.

– Милорд говорит, охотничья собака, – невозмутимо ответил Флапий. – И хватит болтать, забирайте головы и милорда и несите в ледник.

– Охотничья? Охо-хо! – разразился громким смехом низкий, и даже высокий улыбнулся. Смеялся низкий до слез, нисколько не стесняясь нового хозяина замка. Антон тяжело вздохнул и ответил:

– Ты тоже не вырос, но мальчиком тебя, наверное, не называют.

Низкий перестал смеяться и вытаращился на молодого милорда.

– Это вы к чему сказали, ваша милость? – постояв, спросил он. Руки его сжались в кулаки.

«С таким драться опасно, – подумал Антон. – Хоть и невысокий, но силища в нем должна быть, как у Ильи Муромца».

– К тому, что не все, что мы видим, можем правильно оценить.

– Торвал, – встрял в разговор Флапий, – милорд прибыл издалека. Он многого не знает и, скорее всего, никогда шера не видел.

– Милорд, это Торвал. Он шер. Он не человек. Шеры живут в горах, и среди людей их мало встречается.

– Как добрались, ваша милость? – подобрев, спросил шер, желая проявить учтивость и загладить возникшую неловкость из-за его резкого выпада. Антон кинул благодарный взгляд на Флапия и ответил правду.

– Быстро.

– Я догадался, – с серьезным видом, произнес Торвал, – даже сапоги не успели надеть, с батюшки сняли... Или вас ограбили по дороге?

«Издевается», – понял Антон, но не подал вида, что догадался.

– Ты прав, Торвал, пришлось собираться быстро.

– А я вот не пойму, – неожиданно резко произнес худой. Откуда в наших горах взяться человеку издалека? Там только дикари горцы. А за горами наши степи, а еще дальше море... А на горца его милость непохож...

– Обстоятельства, – многозначительно и туманно произнес Антон, и все, широко раскрыв глаза, замолчали.

– Хватит донимать милорда вопросами. Поднимайте его отца и обращайтесь с телом со всем вашим уважением. Он каждому из вас в свое время помог. Окажите милорду последнее уважение.

Глава 2

Флапий, кряхтя, слез с коня.

– Уф. Наконец-то добрались, – произнес он. – Слезайте, милорд. Я провожу вас в трапезную. Поужинаете и ложитесь спать. – Не оборачиваясь на Антона и уверенный, что тот последует за ним, он усталой походкой пошел к башне.

Тяжело ступая по стертым ступенькам, словно входил на эшафот, Антон шел вслед за Флапием, понимая все яснее и яснее, что входит в новую для него жизнь и обратной дороги уже не будет. Понимать-то понимал. Да сознание отказывалось принять это как сложившуюся реальность. Ему казалось, что сейчас все вернется обратно, и он окажется дома, на земле, в комнате сумасшедшего ученого. Но он шел все выше и выше, а мир перед его глазами и не думал меняться. Со скрипом открылась толстая, обитая кованым железом дверь, и Флапий, не пропуская хозяина вперед, вошел в башню первым.

К удивлению Антона, по стенам в красивых, потемневших от времени бронзовых подставках светились синеватым светом размером с локоть кристаллы. Они давали неяркий, холодный рассеянный свет. Нештукатуренные стены, сложенные из грубо обработанного серого камня, образовывали узкий коридор, из которого вела наверх такая же узкая деревянная лестница без перил. По ней, как заметил Антон, следовало идти осторожно, не то свалишься ненароком вниз.

Они поднялись по недовольно скрипящей, со стертыми узким ступенями лестнице, которая, как показалось Антону, как живая, ворчала, что по ней все ходят и ходят, а ей давно пора на покой. Вышли на второй этаж и попали в просторное помещение. Посредине комнаты с высоким потолком стоял длинный стол, сколоченный из толстых досок. По стенам светились такие же кристаллы, как и в коридоре. В торце горел то ли очаг, то ли камин, и у котла, висевшего над огнем, помешивая, стояла женщина в длинном сером платье и белом чепце. Даже под несуразным платьем угадывалась хорошая фигура.

– Франси! – крикнул Флапий. – Принимай, моя любезная, нового милорда.

Женщина обернулась, и Антон понял, что ей было лет пятьдесят, не меньше.

Его окатили суровым взглядом, и женщина, которая когда-то была весьма миловидной, а сейчас имела несколько продольных морщин у плотно сжатого рта, делающих ее старше и на вид суровой, спросила:

– А старый где?

– Да, наверное, уже в леднике. Убили его. Эрзай и Торвал должны были его отнести туда. Женщина несколько неприязненно оглядела Антона.

– А он точно наследник? – спросила она.

– Точно, Франси. У него наследственная грамота. Ты сама знаешь, что она принимает, только если почувствует родную кровь.

– Нашел-таки старый дуралей своего сына, – вздохнула женщина. – С прибытием, милорд, долго мы вас ждали и не верили даже... Садитесь кушать. Я сейчас подам.

– А где можно помыть руки? – спросил Антон и по удивленному виду слуг понял, что спорол нечто невообразимо глупое.

– Зачем? – первым пришел в себя Флапий.

– Я не ем, не помыв руки.

– Вот как? – произнесла Франси и поджала губы. По ее виду Антон догадался, о чем она думает:

«Старый хозяин чудил, и этот туда же. Вот же бог наградил хозяином!»

– Франси, – пришел на помощь Антону старый слуга, – милорд прибыл издалека. Его, понимаешь, греки воспитывали. А от них чего только не наберешься. Принеси таз с водой.

– Мыло и полотенце, – добавил от себя Антон.

– Мыло? – удивилась служанка. – А это что такое?

– Ну, мыло? Это... мыло, – не зная, как пояснить, растерялся Антон. – Оно такое... пенится и очищает тело от грязи.

– Тело от грязи? – не переставая удивляться, переспросила женщина. – А вы что, в грязи вывалялись, милорд?

– Ну почти... Вот вы чем котлы моете от жира?

– Золой и песком, вестимо. Чем же еще?

– А руки, если вымазали их?

Женщина молча уставилась на Антона.

– Франси, милорд имеет в виду желтый болотник, каким девки перед замужеством моются. И чем вы будете обмывать старого милорда.

– Ах, это... – Франси посмотрела на Антона, как на сумасшедшего чудака и, усмехнувшись, произнесла: – Так я сейчас принесу.

Буквально сразу же она вошла с тазом в руках, с льняным полотенцем через плечо, а в тазу плавали желтые засушенные цветы. Поставила таз на стол.

– Вот, пожалуйста, милорд. Все, как вы хотели. – И с любопытством стала смотреть, что будет делать Антон. А тот опустил спаниеля на пол и подошел к тазу. Отодвинул цветы в сторону и ополоснул руки. Затем, посмотрев на цветы, помял их между ладоней в воде. Появилась желтая пена. Уже смелее их схватив, Антон стал тереть цветами руки. По комнате поплыл приятный медово-цветочный аромат и, смешиваясь с запахом готовившейся в котле пищи, раздражал. Антон помыл руки, ополоснул лицо и вытерся полотенцем. Оглядев стол, подошел к торцу и сел на жесткий стул с высокой прямой спинкой.

Спаниель деловито обнюхивал зал. Залез под стол и направился к кухарке. Та бросила ему на пол кусок вареного мяса, и собака с жадностью его съела, посмотрела влюбленными глазами на Франси и завиляла куцым хвостом.

– Ваш щеночек? – Спросила женщина и подкинула псу еще один кусок.

– Теперь уже мой, – ответил Антон и только сейчас понял, что этот спаниель стал причиной того, что он попал сюда. Если бы профессор не испугался, что собака пропадет, он бы не отправился вместе с Антоном его искать. И Антон не испугался бы горцев, не сбежал с того места, откуда можно было бы вернуться... Но понял, что ненависти или злобы к псу он не испытывает. Наоборот, он был ему как родной, напоминавший о потерянном безвозвратно доме, работе, родителях и друзьях.

– Вино будете? – спросил прислуживающий Флапий.

– А что покрепче есть?

– Есть! – ответила за мужа кухарка. – Настойка на орехах. Будете?

– Неси, – махнул рукой Антон. Флапий меж тем подал Антону тарелку дымящегося супа или похлебки, напоминающего хаш⁷, большие куски нарезанного хлеба и дымящееся мясо на тарелке. Тарелки были из серебра, а ложка деревянная. Тут же рядом с мясом лежал кинжал с тонким лезвием.

Перехватив недоуменный взгляд Антона, Флапий понял его по-своему и, горестно вздохнув, покачал головой:

– Простите, милорд. Это все наемники. Они столовые приборы из серебра украли и часть посуды. Я смог спрятать лишь малую часть.

– Не парься, Флапий! – отмахнулся Антон и услышал удивленное:

– Чего не делать, милорд?

⁷ **Хаш** (азерб. хаш, арм. խիշ, груз. ხაშო, осет. хас) – жидкое горячее блюдо, суп, распространённый по всему Кавказу и Закавказью

– Э-э... Это в том смысле, что не надо беспокоиться. Я ем из любой посуды и любыми приборами, лишь бы они чистые были, – мысленно ругая себя за сленг, который тут не понимают, ответил по-быстрому Антон. Сам же подумал, что помрет здесь не от меча или стрелы, а от бактерий и инфекции. Что такое мыло, тут не знают, моются лишь перед замужеством, как королева Испании, и потом уже на отпевании. После смерти.

Пришла Франси с большим графином, в котором плескалась янтарная жидкость. Она налила настойку Антону в оловянную кружку и поставила ее перед ним.

Перед Антоном стояли тарелка хаша, выпивка... В общем, выпивка и закуска. Настойка пахла просто восхитительно.

– А ты чего? – спросил он Флапия. – Тоже, наверное, голоден. Садись, выпьем и поедим. Помянем батюшку, как у нас принято.

– Вы позволяете мне сесть с вами за один стол, милорд? – в великом удивлении воскликнул слуга. – Это для меня великая честь. – И тут же бухнулся на стул у противоположного конца стола.

– Франси, неси и мне еды! – прикрикнул он. – И кружку!

Антон поднял свою кружку, принялся и ощутил аромат виски, дуба, карамели, и все это имело приятный ореховый оттенок. Он посмотрел на слугу и произнес:

– Да будет отцу земля пухом! – Выпил залпом всю кружку и занюхал рукавом. – Пей! – подбодрил он замершего с открытым ртом Флапия. У нас так умерших близких поминают.

Артем зачерпнул ложкой суп и тоже, как спаниель, стал жадно есть. Утолив первый голод, он налил вторую кружку настойки. Антон почувствовал, что первая его не взяла. Напряжение, царившее внутри, осталось. А он хотел расслабиться. Хоть на минуту забыться и оторвать от себя прикипевшую горечь.

– Отличная настойка, Франси, – похвалил он. – Кто делал?

– Так Франси и делала, – ответил за кухарку, ее муж. – Такую настойку тут не делают, не умеют. Ее родители были поставщиками двора герцога Раргонского, короля Краси.

– Да-а? – поддерживая разговор, удивился Антон. – У нас тоже такую не делают... И вдруг в его голове забрезжила мысль. Хоть он и не был коммерсантом, но понимал, раз есть выпивка, значит, она что-то стоит. Спиртное тоже валюта. Он повернулся к раздумывавшейся от похвалы хозяина женщине и, подняв кружку, произнес: – За твоё здоровье, Франси. – Несколькими глотками выпил до дна, закусил разваренным мясом. Посмотрел, обо что вытереть руки, и вытер о все то же полотенце. А Флапий вытирал руки о свой жилет и волосы. Правда, предварительно тщательно облизав пальцы.

– А много у вас такой настойки? – спросил Антон.

– Пять полных бочек. Три года выдержки, – гордо произнесла женщина.

– Пять бочек? – задумчиво повторил Антон. А бочки большие?

– Каждая на двадцать галонов.

– Галонов... – повторил Антон, силясь понять, что это за мера. – А здесь галон какой? – нашелся он.

– Как и везде, – ответил Флапий, продолжая отправлять в рот куски мяса. Он не знал, чего от него хочет хозяин, и не удосужился объяснить известные всем вещи. Как говорил он: «Это и так все знают».

– А сколько может стоить такая бочка настойки? – не отставал Антон.

– Не меньше семи таланов серебра, – решительно заявила Франси.

– А если мы настойку продадим, у нас появятся деньги, ведь так? Тридцать пять галонов – это много или мало?

– Это пять с половиной импералов, – ответил Флапий, растерявший свою невозмутимость. – Но зачем продавать?

– Как-то надо хозяйство налаживать... с чего-то начинать. А на все нужны деньги. – И, чувствуя скрытое сопротивление этой парочки его новой идее, подумав, произнес: – Вот если продать эту настойку и купить на эти деньги то, из чего она делается, можно будет расширить дело и заработать. А от этой продажи полимпериаля я отдам Франси.

– Полимпериаля! – брови Флапия взметнулись вверх. – Это слишком щедро, милорд...

– Молчи, телега старая! – оборвала его жена. – Милорд дело говорит. Вы со старым милордом все растранижили. Я знаю, кому можно продать настойку. Я с вами поеду, распорядись завтра поутру запрячь пару телег. Может, и больше выгадаем.

– Франси! А почему ты, обладая таким даром, как умение делать настойку и торговать, сидишь в кухарках? – Антону после второй кружки стало легче. Спаниель уютно улегся у его ног. Печаль разлуки с родиной отступила, и новые заботы стали захватывать его все больше и больше.

– А кому мои таланты тут нужны, милорд? Всем только дай пожрать и все. Вот и стала кухаркой... как Роза померла. Меня, когда замуж выдавали, думали, за человека...

– Франси! – воскликнул Флапий слегка заплетающимся языком. – Не распускай... Ик... Ой. Язык.

– Ну, я наелся. Спасибо, – произнес Антон. – Хочу помыть ноги и лечь спать. И это. Может, от отца неношенная обувь осталась. Эта уж больно вонюча.

– Флапий проводит вас, милорд, в вашу спальню. Я таз с водой принесу и батильоны. Еще вам одежда другая нужна... Я что-нибудь подыщу.

– Но только не такие стремные штаны, как на отце, – зевая, ответил Антон. Он поднялся, следом вскочил спаниель, завилял хвостиком.

– Пошли, Патрон, спать, – позвал он собаку. – Утро вечера мудренее.

Пес, выражая полное согласие со словами нового хозяина и принимая свою новую кличку, побежал рядом.

Антон придумал собаке кличку – первое, что пришло в голову. Как звали пса раньше, он представления не имел, а угадывать не было желания.

В спальне стояла большая деревянная кровать, на которой облаком возвышалась перина. На стене висел такой же светящийся кристалл.

– Ноги сами обмывать будете, или я это сделаю? – совершенно невозмутимо спросил Флапий.

– Сам. Ты лучше скажи, что это за светильник такой и как его потушить? – Антон кивком показал на кристалл.

– А зачем его тушить? Он сам погаснет. К полуночи. Эти фонарики днем запасают свет, в темноте отдают. Давно висят. Еще до вашего отца и деда появились тут. Конечно, не так светят, как раньше... Сейчас такие уже не делают. Зато масло экономят, и не надо по ночам свечи жечь. Ну, вы оставайтесь, милорд, а я пошел. Завтра поутру поедem, значит... – Он зевнул, прикрыв рот ладошкой, и вышел.

Вскоре с тазом и полотенцем появилась его жена. Поставила у кровати таз. Разогнулась и спокойно произнесла:

– Если по нужде приспичит, то бадья под кроватью. Туда и по серьезному можно сходить. Отдыхайте, милорд.

Антон подождал, когда женщина выйдет, и стал раздеваться. Вымыл ноги с желтой травой. В этой воде постирал носки. Огляделся, где их повесить и, не найдя ничего, пристроил на креплении светильника. На пятках дошел до кровати и лег. Патрон уже вовсю хозяйничал, утопая в пуху и пытаясь найти удобное место, он возился, терся и фыркал.

Уснул Антон почти мгновенно. Не успела голова коснуться подушки, а он уже забылся, впав в тяжелую душную дремоту. А затем Антон оказался в комнате профессора. Странное дело. Он висел в комнате под потолком без всякой опоры и смотрел сверху на испуганного

и изумленного Панченко. На полу лежал профессор с копьём в груди и счастливо улыбался. Кошка в клетке непрерывно мяукала. А участковый стоял как вкопанный и силился что-то сказать, но не мог. Бестолково помахав руками, он немного пришел в себя и заорал во все горло:

– Стажер! Сашка! Ты где?

Обрадованный тем, что сумел вернуться, Антон попробовал закричать, но из его горла не вырывалось ни звука. Он хотел спуститься, но и это сделать не мог.

Панченко трясущимися руками достал мобильный телефон и стал перелистывать пальцем номера. Нашел нужный ему и вновь заорал:

– Миша! У нас труп. Убийство. Кто? Да тот самый чокнутый профессор. Лежит у себя дома на полу, проткнутый копьём. Да. Говорю же, настоящим копьём, и стажера нигде нет. А труп свежий. Кровищи под ним натекло море. Ага, жду. – Панченко убрал телефон, посмотрел на потолок, где висел Антон, и, не замечая его, стал креститься.

– Ох ты ж, беда какая! Сашка, где же ты? Кто тут был? За кошек и собаку человека прибили...

На Антона села муха и больно укусила в щеку. Он махнул рукой, отгоняя ее, и промахнулся, а следом за одной мухой на него налетела стая. Стажер стал размахивать руками, отгоняя мух, и неожиданно проснулся. От увиденного он подскочил. Вся серо-белая перина была усеяна маленькими жучками. Они ползали по его телу и больно кусали.

«Клопы!» – вспомнил Антон, что это за насекомые. Только невероятно большие. И, вскочив с кровати, босиком бросился прочь из комнаты. Не останавливаясь, выскочил на двор и там огляделся. На темном небе светились звезды. Такая же Луна, как и на Земле, была наполовину скрыта за облаками. Было тепло. Он успокоился. Сонливость прошла. Антон уселся на ступеньки крыльца и обнял прибежавшего спаниеля. Он просто бездумно сидел и смотрел на темную махину горы, откуда приехал вместе со старым слугой и куда, скорее всего, он вернется, чтобы умереть... если его до этого не сожрут клопы или не убьет инфекция.

Патрон стал вырываться и зарычал. Антон посмотрел по сторонам и увидел низкую фигуру, идущую к нему.

– Не спится, ваша милость? – спросил шер. И, не спрашивая разрешения, сел рядом. – Мне тоже. Все о Робарте вспоминаю...

– Там клопы, – пожаловался Антон.

– И что, вы их никогда не видели? – усмехнулся Торвал.

– Видел, но жить с ними не хочу. Они кусаются.

– Да-а... Издалека же вы прибыли, хозяин. Первого человека в своей жизни вижу, кого донимают клопы. Люди с ними сроднились. Уже не замечают. Но я вижу, что не только это вас беспокоит. По дому скучаете?

– Скучаю, Торвал.

– И нет возможности вернуться?

– Нет. Так сложились обстоятельства.

– Понимаю. Обстоятельства зачастую бывают выше человеческих сил, да и шерových тоже. Не один вы попали под такие обстоятельства. Мы с Эрзаем тоже не можем вернуться домой. Да и отец ваш тоже что-то говорил об обстоятельствах...

Антон, немного успокоенный словами шера, улыбнулся. Шер до странности непропорциональный, несоразмерно широкий и добродушный ему как-то сразу понравился.

– Торвал, а ты выпить хочешь? – спросил он.

– Выпить? Какой же шер откажется от доброй выпивки? А у вас есть?

– Есть у Франси.

– О-о! Тогда это пустая затея.

– Как это?

– А вот так. Это не женщина, это кремень или холодно кованая бронза, у нее что-то выпросить – это... ну я не знаю... Скорее орел отдаст свою добычу, чем Франси свой самогон.

Антон затрясся в беззвучном смехе. Ее муж и за человека не считает, а могучий шер ее побаивается.

– А мы украдем, – заговорщически подмигнул Антон. – Они с мужем уже спят. А я знаю, где стоит графинчик.

– А пошли, ваша милость. Вас-то она точно не убьет.

Антон шел босиком и от этих слов даже споткнулся.

– А что, она может?

– Франси-то? Эта мо-ожет. Она зарубила грабителя, который залез на ее кухню... Топором, которым разделывала мясо.

– Не мудрено, что тут грабители ходят. Вон ворота нараспашку.

– А че их закрывать, ежели стражи нет.

– А разбойники, или наемники вернутся, тогда что?

– Здесь, ваша милость, так далеко не думают. Живут сегодняшним днем. Антон вновь споткнулся, на этот раз о спаниеля. Тот вертелся под ногами, выпрашивая подачку. Антон открыл дверку комода у очага и замер от громкого скрипа давно не смазанных петель. С опаской оглянулся. В полумраке столовой все было тихо. Он успокоился и повернулся к комоду. Одной рукой взял графин, другой тарелку с холодным мясом. Предплечьем закрыл дверку, вновь огласив помещение скрипом. Хотел уже повернуться, как громкий окрик: «Стоять, где стоите!» заставил сердце Антона ухнуть вниз и бешено заколотиться.

– Ну всё, пропали! – неожиданно тонким голом пропищал шер и постарался скрыться за Антоном.

Новый владелец повернулся и с облегчением увидел Франси. Женщина стояла в ночной рубашке до пят, с платком на плечах и топором в руках. Антон сначала по земному поднял руки, сдаваясь, но затем опустил их и укоризненно произнес:

– Франси, если ты будешь так неожиданно подкрадываться, то в следующий раз будешь обмывать уже меня. Что ты тут делаешь?

– А вы, милорд? – вопросом на вопрос ответила женщина.

– Я не могу спать, меня клопы укусили, Торвал меня успокаивал по-товарищески...

– Шер вам уже товарищ? – изумилась Франси.

Торвал выглянул из-за спины Антона и подтвердил.

– Да, товарищ. А что? Товарищ по печальным обстоятельствам.

– Тебя что, тоже клопы укусили? – недоверчиво спросила Франси.

Антон сделал шаг, но женщина прикрикнула:

– А ну стоять! – И Антон, сам того не ожидая, замер.

– Франси, мы лишь хотели с Торвалом выпить, – постарался объяснить он ситуацию. – Раз уж ты тоже не спишь, присоединяйся к нам.

– Я? – растерянно проговорила кухарка. – К вам за стол?

– А куда же еще? Не на горшок же ночной, – пошутил Антон. – Мы можем сесть за стол? – спросил он, чувствуя, что без ее разрешения не способен сделать и шагу. И, мысленно удивившись, подумал:

«Ну прямо чудеса в решете! Я испугался кухарки».

– Садитесь, я сейчас закуску принесу, – очень по-доброму, совсем другим голосом ответила Франси и тотчас же вышла. Антон почувствовал, что может двигаться.

«Черт-те что! Прямо наваждение какое-то!» – недовольно подумал он.

– Ты, ваша милость, тоже не мог с места сдвинуться? – спросил шепотом Торвал.

Антон согласно кивнул:

– Именно. Как к полу примерз.

– Это потому, что она потомственная ведьма, – еще тише проговорил шер. – Ишь, как голосом управляет. Но она не сознается. А если сознается, ее сожгут Рассветные. Те ведьм не любят. Если бы не служители Заката, совсем бы мир без волхвов и волшебников остался.

Пришла кухарка и принесла несколько деревянных тарелок с закуской. На них лежали сыр, какие-то разноцветные овощи, зелень и колечко колбасы. Франси прошла к комоду и, открыв его, достала стеклянные стаканы.

Все уселись в торце стола. Торвал, как самый проворный, сразу стал наполнять стаканы. Франси подняла свой, полный янтарной жидкости.

– Спасибо вам, милорд, вы оказали честь моему мужу и мне, посадив за стол рядом. Мы за все годы службы вашему батюшке такой чести не устаивались. Видимо, судьба к нам наконец-то стала милостива, раз послала вашему чокнутому отцу такого мудрого сына. За вас, милорд!

После стакана настойки и закуски, которую Антон лопал в три глотки, он повеселел.

– Франси! А почему отца все считают чокнутым?

– Ну а кто он, милорд? Как есть ненормальный. Как выпьет, бывало, так рассказывает небылицы. Что он жил где-то не тут, а где, сам рассказать не может. И жизнь там другая, и люди тоже. А то забывал, что жизнь его рядом с нами прошла. А вся дурь эта от книжек, милорд. Накупил книжек, начитался и поглупел. Мой муж говорит, что если много читать, дураком станешь...

– Ну да, – кивнул Антон и повторил любимую присказку Флапия: – И это все знают.

Шер, разгадав, что он шутит, забулькал в беззвучном смехе, а Франси радостно подтвердила:

– Точно подмечено, милорд. И мой муж тоже так говорит. Вы поменьше читайте. Вы, сразу видно, из другого теста сделаны. Из вас благородство наружу лезет.

– Это как? – удивился Антон.

– Ну, вы белокожий, на солнце мало бываете. К физическому труду не приучены. Руки чистые, без мозолей. А такое только у господ бывает. Но что мне нравится в вас, так это то, что душа у вас не светлая.

– А какая? – спросил сбитый с толку Антон и поставил на стол вновь наполненный стакан. – Черная, что ли?

– Зачем черная? – в свою очередь удивилась кухарка. Она раскраснелась от выпитого. И то надо заметить, пила наравне с мужчинами. – Серая.

– Серая?

– Да, серая. Вы просто так на костер человека не потащите и слуг мордовать не будете. Вы сохранили еще человечность. Ну, это и понятно. У греков воспитывались. Они хоть и чудаки, но не Светлые. И посвятили вас Закату, это тоже о чем-то говорит.

Антон поднял стакан, залпом выпил. Сунул в рот желтый кусок плода и разжевал, шмыгнул носом и с интересом спросил:

– И о чем это говорит?

– А мне почем знать? – спокойно отозвалась Франси, выпив свой стакан. Поставила его, утерла рот рукавом ночнушки и потянулась к зелени. – О чем-то.

– А я не знал, ваша милость, что вы Закатный. – удивленно посмотрел на Антона шер.

– Я сам не знал. Только когда сюда прибыл, узнал об этом.

– Надо же! – Глаза Франси вспыхнули настоящим пламенем. Антон в испуге отшатнулся и посмотрел на Торвала. Заметил ли он это пламя? Но тот спокойно жевал колбасу и, когда Антон глянул на жену Флапия, та уже была прежней.

«Показалось», – успокоился он.

– Тайный ритуал! – почти закатив глаза, в странном экстазе произнесла Франси. – От вас скрывали это. Почему? И тут же сама ответила: – Сила. Для того, чтобы скрыть дар. Не иначе.

Франси уже была хорошо подвыпившей и не сдерживалась. Она вытянула руку и резко разжала кулак. Всмотрелась в Антона и разочарованно произнесла:

– Нет... Силы в вас я не вижу.

Антон не обращал внимания на ее путаную речь и жесты. Хочет, пусть машет руками.

– А мой отец, он какой был, тоже серый? – спросил он.

– Ха! Рыцарь Робарт, – с плохо скрытой ненавистью произнесла Франси, – сначала был Светлым и состоял в ордене Рассвета. В Святой земле он находил и сжигал всех, кто имел дар. Это он, как сам говорил, творил добро, очищая землю от скверны. К старости душа его стала черной. – Франси нагнулась к Антону и зашептала: – И он обратился к колдунам-прицателям. К тем, кого он хватал и тащил на костер. Светлый всегда чернеет, запомни это и не доверяй им.

Все на них спустил, старый козел. И помер, как и жил, бестолково.

– Вы, я смотрю, его не больно любили, – заметил Антон.

– Любили? – презрительно фыркнула Франси. – А за что его любить? Он господин, мы слуги. Чернь. Наше дело служить. Она пьяным взором посмотрела на Антона. – Но вас, мой господин, я уже полюбила. Вы за один вечер сделали для нас с мужем то, чего никогда не делал ваш отец.

– И что же это? – прервал молчание Торвал.

Женщина выпрямилась и посмотрела на шера.

– Милорд посчитал нас за людей, а не за вещь. Тебе, шер, этого не понять ты не человек.

Антон поглядел на Торвала. Широкий и низкий. Но черты лица человеческие. Фигура тоже.

– А что в нем не так? – спросил Антон, разглядывая шера. – Из-за чего Торвал не может считаться человеком? У тебя, Торвал, есть хвост?

Шер и Франси замерли как громом пораженные. Антон переводил взгляд с одного остолебеневшего собутыльника на другого и не мог понять, от чего они замерли?

– По-моему, Торвал очень похож на человека.

Франси ухватила руку шера.

– Не убивай его, Торвал! Он молод еще...

От этих слов спина у Антона похолодела.

– Простите, если я что-то не так сказал, – смиренно произнес он и пожалел, что не взял с собой пистолет. Но кто знал, что, казалось бы, безобидные на первый взгляд слова заставят невысокого шера попытаться его убить.

Но шер неожиданно громко расхохотался. Он смеялся долго, и слезы ручьями текли по его бороде.

– Хвост! – повторял он снова и снова и хохотал. – Остановите ме... ха-ха... меня. Я сейчас... Ох... Умру. Ха-ха! От смеха. Ха. Ой. ой. Живот болит.

– На, выпей. – Франси сунула ему в руку стакан настойки. Торвал выпил и стал успокаиваться.

– Нет, Франси, скорее я умру от смеха, чем убью нашего лорда. Ох. Как весело стало жить... Да-а. Хвост... Ох, твоя милость...

– Вы лучше помогите мне вжиться в этот... – Антон остановился на полуслове. Он хотел сказать «мир», но вспомнил, как отзывались о его мнимом отце и о его словах о другом мире, и сказал: – получше узнать, как тут живут и вообще, что можно говорить, а о чем лучше промолчать.

– Золотые слова, милорд, – восхищенно произнесла Франси. – Поможем. Правда, шер?

– Конечно, Франси, – разливая остатки настойки и улыбаясь, отозвался Торвал. – Тем боле, что его милость причислила меня к своим товарищам. А товарищ – это, знаешь, почти друг.

– Ну, тогда по последней, и расходимся спать. Завтра поутру выезжаем, – с материнской нежностью глядя на Антона, одобрительно произнесла Франси.

Антон одним махом выпил и произнес:

– Я тут спать буду, на столе, в комнату не пойду, там клопы.

– Тогда уж лучше на сеновале, – подумав, произнесла Франси. – Я вам шкуру медвежью дам, а Торвал проводит.

Утром Антона нещадно трясли за плечо. Он отмахивался и спросонья ворчал:

– Сегодня выходной...

– Вставайте, милорд, завтракаем и выезжаем. Уже рассвело.

– Куда выезжаем? На происшествие? А где Панченко?

– Происшествий, слава Рассвету и Закату, нет, и Панченко тоже. Вставайте, милорд.

Антон с трудом разлепил глаза. С непониманием огляделся.

– Ты кто? – недоуменно глядя на странного старика, спросил он. – Я где? Мы что вчера пили? И с кем? Черт, что это за место? Дача, что ли?

– Пили, милорд, пили. Вставайте. Франси вас подлечит. Это она умеет. А я Флапий, ваш слуга и сенешаль.

– Слуга? Синяя шаль? Я не нанимал слуг. Иди, старик. Дай поспать, – и попытался снова улечься. Но тут он вспомнил все и, мгновенно протрезвев, сел.

– Твою мать... – Антон схватился за голову. – Так это был не сон, и спяну ему не показалось, что он переселился... – Я в замке? Да? – как-то с недоверием и обреченностью одно- временно спросил он. Антон еще хранил робкую надежду, что все, что с ним произошло, это лишь сон.

– Да, милорд, поднимайтесь. Дорога неблизкая, до вечера должны добраться до местной обители Заката.

Антон, опустошенный осознанием случившегося, склонил голову на грудь и пустыми безжизненными глазами уставился на медвежью голову. Из-под шкуры выбрался спаниель, зевнул, потянулся и скачками стал спускаться с сена. Антон блекло улыбнулся, посмотрел ему вслед и поднялся.

– Пошли, Флапий, умываться. Жаль, нечем зубы почистить. У тебя мел есть?

– Есть, милорд, а вам зачем?

– Растворки и принеси на тарелке. Увидишь.

Антон вышел из ворот сеновала и остановился. Там, на дворе, под восходящим солнышком был птичий переполох. Патрон с радостным лаем носился между кур, а те в панике кудахтали и, хлопая крыльями, разбегались во все стороны. Из просторного курятника вышел, важно вышагивая, словно гвардеец кардинала, здоровенный, яркой раскраски петух. Хозяйским взглядом оглядел свой двор и увидел дебошира. Недолго наблюдал творимые им безобразия и решил проказника наказать. Расправив крылья, он понесся на него, как истребитель. Патрон не заметил опасности. Считая себя здесь самым крутым, весело лая, нарезал круги. Неожиданно на его пути оказался в боевой готовности петух. Спаниель смело прыгнул на петуха и получил клювом в лоб. Патрон присел на задние лапы и потрянул головой. А когда петух налетел на маленького хулигана, то тот с пронзительным визгом со всех ног помчался в открытые ворота сеновала.

Полюбовавшись на скорую расправу, Антон уже не с таким мрачным настроением пошел к крыльцу башни. В трапезной его ждал таз с плавающими в воде цветами. Вскоре появился Флапий, поставил рядом с тазом тарелку с толченым мелом. Антон вздохнул, насыпал пригоршню мела в рот и стал тереть пальцами зубы.

Опешивший от такой процедуры старый слуга буквально заглядывал ему в рот, пытаясь понять, что после этого оттуда вылезет. Он то справа подходил, то слева, пока не получил подзатыльник от жены.

– Неси бритву, пучеглазый. Не видишь, милорд бреется, как принято у имперцев. Антон ополоснул рот, умылся и робко, без всякой надежды, спросил:

– Зеркала у вас, конечно, нет?

– Есть, мы чай не дикие горцы! – с неприкрытой гордостью произнес Флапий. – Жена, неси свое зеркало.

– Уже несу. Чего раскомандовался, как петух в курятнике?

– Если бы у меня, как у петуха, было столько жен, я бы повесился, – отбрил ее муж и, смеясь, затрясся плечами.

Франси принесла круглое зеркало, немного мутноватое, но в него можно было смотреться.

– Это из приданого, – похвалился старик. – Богатое было.

Антон оглядел опухшее лицо в красных пятнах – следы укусов клопов – и вслух произнес:

– С клопами нужно что-то делать.

– Да, и что? – старик подошел поближе.

– Как что? Выводить их нужно!

У старого слуги от услышанного открылся рот. Он удивленно поморгал и наконец спросил:

– Куда выводить?

Теперь пришло время удивиться Антону. Оба стояли с открытыми ртами и смотрели друг на друга.

– Да куда их не нужно выводить...

– Милорд, вы уж определитесь. Надо выводить или не надо выводить. И скажите, куда и как их вывести. Если знаете место, куда они должны пойти, укажите.

– От них нужно избавляться, – со вздохом пояснил Антон.

– Ну так для этого, милорд, – обрадованно заявил Флапий, – их куда вести не надо. Просто потравим и все.

– Ну так потрави.

– Вы скажите, как и чем, я мигом все устрою, – решительно заявил старик и широко, обрадованно, от того, что они с милордом нашли общий язык, растянул рот в улыбке.

У Антона болела голова, и думать о чем-либо он не мог и не хотел. Он хотел упасть и уснуть, а еще лучше чем-нибудь опохмелиться. Поэтому просто махнул рукой.

– Не знаю. Просто придумай, как, и потрави клопов. Спроси у Торвала. Он должен знать. Шеры с клопами не живут.

На столе был простой, но сытный завтрак. Яичница на большой сковороде, жареные колбаски, горячий свежеевыпеченный хлеб, свежие овощи, молоко, простокваша, оладьи, сметана. Но Антон на еду смотреть не мог. Он лениво возил ложкой по яичнице и тяжело вздыхал. Франси молча поставила перед ним кружку с мутным напитком.

– Выпейте, милорд, – подбодрил его Флапий. – Увидите, как вам полегчает.

И действительно, Антон почувствовал себя значительно лучше. Выпил полную чашку простокваши, а от завтрака отказался.

– Спасибо, я наелся. Можно ехать. И поднялся с места.

– Так, милорд, ехать не годится. Вы сквайр, а не нищий побирושка.

– Почему не годится?..

– Да потому, что вы неподобающе одеты, как бедняк.

Антон посмотрел на серые потертые джинсы с дырами по-модному. На такую же джинсовую куртку. Все вещи он тщательно вытряхнул перед тем как надеть.

– Это дорогие вещи, Франси...

– Может, там у вас и были дорогие, милорд. Не спорю. Но здесь люди живут побогаче. Поэтому нужно одеваться прилично, соответственно званию.

– А что не так?

– Вы еще спрашиваете? – ее удивлению не было предела. – Вы в черном рванье. Штаны доносили до дыр. Черное носят только бедняки, из простого люда. Я вам подобрала одежду, которую не очень любил ваш отец. Думаю, на первое время сойдет. Раздевайтесь, пойду принесу одежду. А эту я выброшу. Ее даже свинарю стыдно отдать донашивать. – Она удалилась, оставив Антона в сильном недоумении.

– Флапий, а что это важно, какой цвет одежды? – спросил он, переминаясь с ноги на ногу и не решаясь раздеться.

– А как же, милорд. Как же узнать, кто перед тобой, бедняк или благородный господин. По одежде и узнают. Но я вижу, вы мало в этом разбираетесь. Вам надлежит носить зеленые, синие и красные цвета. Можно коричневые, но ткань должна быть шерстяная, тонкого сукна, или бархатная, или из шелка. Платье должно быть на ладонь выше колена, а у вас оно только до пупка. Стыд один. Вот станете рыцарем, тогда уже можно носить до колена. Чем ниже платье, или кот, по-нашему, или, как говорят имперцы, кафтан, тем знатнее человек. До пят могут носить лишь короли и император.

– Значит, знатность определяется длиной кафтана? – удивился Антон.

– А как же! Везде должен быть порядок, и в одежде тоже. Это все знают. Вот представьте себе, если бы вы приехали в такой одежде в обитель Заката? По дороге мы можем встретить торговцев или там купцов. Они должны вам уступить дорогу, а они, видя на вас весь этот срам, не уступят. И что будет? – спросил он.

– Не знаю, – честно признался Антон.

– Будет урон вашей чести. А вы должны будете убить наглеца. Возьмете грех на душу. А так все будут знать, что едет благородный сквайр, и вы не согрешите.

С такими доводами Антону спорить было трудно. Вспомнилась поговорка: «Со своим уставом в чужой монастырь не ходят». Подавив вздох, он стал раздеваться до трусов.

С кипой одежды пришла Франси и положила ее на стул. Критически оглядела его майку и трусы. Но промолчала.

– Надевайте чулки, по-нашему шосы, – подала она Антону светло-зеленые чулки. Антон натянул шосы выше колен.

– А как они держаться будут? Слезут же. Может, резинки есть?

– К штанам пристегнете. Флапий поможет. – твердо заявила Франси. Ее муж, охотно соглашаясь, кивая.

Антон взял в руки штаны типа бриджей, надел и затянул веревку на поясе. Штаны были из темно-зеленого сукна, и на них были нашиты узкие полосы из красного шелка. Флапий присел у ног Антона и ловко пристегнул чулки к изнанке бриджей, затем на четыре серебряные пуговицы застегнул штаны на щиколотках. Сверху надел льняную тунику, почти белую, и Флапий торжественно протянул ему пояс с кинжалом.

– Подпоясывайтесь, милорд.

Антон надел пояс, а Флапий помог ему разобраться с красным кафтаном. Отошел, рассматривая Антона, и прослезился.

– Прямо как ваш батюшка в молодости. Скажи, Франси?

Женщина посмотрела на Антона и согласно кивнула.

– Похож, – сказала она, – очень. Только бороды не хватает.

Антон рассматривал приталенный кафтан с высокими плечами и рукавами до локтей.

– Тут пуговиц нет, – сообщил он. – И рукава короткие.

– Этот кот носится без пуговиц, – безапелляционно сообщила Франси, подавая Антону высокие ботинки с медными пряжками. – Надевайте батильоны. Они должны быть вам впору. И они неношеные. Ваш отец любил сапоги носить.

Антон взял ботинки и надел. Застегнул пряжки, полюбовался на тонкие носы и потопал.

– Ну, теперь я готов? – спросил он.

– Почти, милорд, остались меч и плащ, – сообщила, разглядывая Антона, Франси. – Вот поясная сумка. – Она подала небольшую кожаную сумку с короткими ремешками. – Надевайте ремень с мечом. Пристегните сумку спереди на пояс.

– Там пусто. – посмотрев внутрь, ответил Антон.

– Конечно, пусто! Скажите спасибо отцу! – резковато отозвалась Франси. Увидев укоризненный взгляд мужа, ответила: – А пусть знает, какой у милорда был батюшка. Сделал сына и умчался на лошади, и вспомнил о нем лишь под конец жизни. А мать его одна растила, из сил выбивалась. Даже одежду нормальную купить ему не могла... и что он оставил наследнику? Что, я тебя спрашиваю? Пять бочек настойки? Так что молчи.

– А я молчу.

– Вот и молчи.

Антон не стал слушать их перебранку, вернулся в спальню, надел под кафтан наплечную кобуру с пистолетом и вышел.

– Ну, когда поедет? – спросил он.

– Да все уже готово милорд. Ждем только вас. Две повозки загружены, лошади запряжены... одной Франси будет править, другой Эрзай. А мы с вами верхом...

– Я тоже в повозке поеду. Дорога длинная?

– Длинная, но не очень.

Они вышли на двор. Там стояли две крытые тентом повозки, запряженные лохматыми лошадами, и под седлами стояли, опустив обреченно головы, две старые клячи.

– Вот и посплю. А клячу эту дома оставьте, – проговорил Антон.

– Как скажете, милорд. – без споров согласился Флапий и озадачил Антона вопросом: – А где у нее дом?

– Я имел в виду... пусть в замке остается... и вспоминает боевые походы.

– А-а... в этом смысле? Ну, пусть остается и вспоминает...

Флапий многозначительно переглянулся с женой. По их взглядам Антон понял, о чем они думают.

«И этот чудит».

Он обреченно вздохнул, осознав, что не успевает следить за языком, и спросил:

– Мне в какую повозку лезть?

– Если не побрезгуете, то со мной езжайте, – забираясь на козлы ответила Франси.

– Да че мне брезговать? Ты же, Франси, не заразная.

Он залез в повозку. Осмотрелся и попросил:

– Флапий, принеси немного сена, я прилягу.

– Как прикажете, милорд, – ответил слуга и тут же распорядился:

– Эрзай, принеси сено его милости.

– А че я? Тебе сказали, ты и неси. Я его милости не слуга.

Антон посмотрел на возницу. Стройный подтянутый мужчина лет сорока с узким лицом и хищным, как у орла, носом.

«На грузина похож», – подумал, Антон. И, улыбнувшись, произнес:

– Да я и сам сходить могу. Тут недалеко.

Эрзай кинул на него взгляд и пробурчал:

– Сидите. Чего уж. Я схожу, ваша милость.

Он ушел, а Антон, глядя ему вслед, спросил Франси:

– Франси? А почему вы с мужем называете меня милорд, а Торвал и он, – Антон показал кивком головы на Эрзая, – Вашей милостью.

– Так мы вам служим, потому что слуги и храним вам преданность. А шер и степняк приживалы. Они сами, по своему желанию, остались с вашим отцом. Он их из похода на Свя-

тую землю привез, как и моего мужа. Что там точно произошло и почему они остались с ним, я не знаю. Но вот уже лет как десять живут здесь и помогают. Вроде им идти некуда, и отцу вашему они чем-то обязаны. Тайна это, а я в чужие тайны не лезу.

– Значит, для тех, кто мне служит, я милорд, а для всех остальных ваша милость?

– Не для всех, милорд. Равным и тем, кто ниже вас по положению, вы сэр.

Барон Газан Рейдеранский для вас милорд, а граф Мольт Кинсбрукский Ваше сиятельство, тот служит герцогу Овруму Маренхейскому, а герцог для вас Ваша светлость.

– С ума сойти! я не запомню все эти... обращения и звания.

– Ничего страшного, милорд, мы обещали вам помочь, значит, поможем...

Тронулись минут через пятнадцать. Антон сначала сидел рядом с Франси и, покачиваясь, дремал. Потом его разморило солнышко, и он, сняв кафтан, залез под тень тента, расстелил солому и лег. Ничего интересного по пути он не увидел. Дорога шла вдоль реки. Повсюду, куда доставал взгляд, слева тянулся однообразный лиственный лес. Справа от дороги – холмы, заросшие густой травой.

«Видимо, это край обжитых земель», – невесело подумал Антон и закрыл глаза. В сон он погрузился сразу. Сказалась бурная ночь и сильное нервное напряжение, которое он испытал в связи с переходом в другой мир. Как это ни странно звучит, но он не оставлял надежды вернуться домой. Этот мир был для него чужим. Пугал своей дикостью и тем, что он не желал принимать его таким, каким он был. Был он, по его мнению, абсурдным, злым и неприемлемым для его мироощущения. Все эти светлости, сиятельства, условности и правила, которые для него, человека двадцать первого века, были не чем иным, как глупостью. А глупость он ненавидел и, замечая ее в людях, сильно раздражался. Так и этот мир вызывал у него болезненное раздражение.

– Панченко? Что тут у тебя? – услышал он вопрос, обращенный к его временному наставнику и начальнику в одном лице.

– Да вот, сами посмотрите, труп. Свежий. Видимо, из-за того, что он воровал собак и кошек у соседей, его и порешили...

– Разберемся. – Артем увидел начальника убойного отдела⁸ горотдела полиции майора Лапина. – Криминалисты скоро будут. Труп кто обнаружил? Ты?

– Я, товарищ майор.

– А зачем ты сюда пришел? Шум услышал?

– Нет, проверочные мероприятия по заявлению соседей. Что, мол, он у них кошек и собак крадет по ночам.

– Кошек и собак? – Майор осторожно обошел тело. На столе лежала папка. – Твоя, капитан? – спросил он.

– Никак нет, стажера. Александра... тьфу ты! Все время путаю. Антона Загнибеды.

– Кого загни?

– Загнибеды, товарищ майор.

– Понятно. А сам стажер где?

– Пропал, товарищ майор. Он сюда был направлен для взятия пояснения... мною... Я ждал его, ждал и, не дождавшись, зашел... и тут вот такое...

Майор, ходивший по кругу, остановился.

– Ты хочешь сказать, что сюда первым прибыл стажер, а когда ты вошел, то нашел труп. А стажера не было?

– Все так и было.

– Ты комнаты, двор проверил? Может, и его труп где-то лежит?

⁸ Убойный отдел – отдел по раскрытию особо тяжких преступлений – убийств.

– Дом внутри проверил. Двор не проверял, – стушевался участковый. – Там на пороге остались стоять кроссовки стажера. Он, значит, был босиком, в одних носках. Я подумал, что босиком он во двор не пойдет.

– А кроссовки точно его?

– Так они красные. Их не спутаешь.

– Не спутаешь... А если тело стажера вынесли? У него оружие с собой было?

– Табельный пистолет, товарищ майор.

– Хреново, Панченко. Утерю табельного оружия на горотдел повесят.

Антон стоял рядом. Все слышал и видел, но не мог приблизиться к полицейским. Невидимая стена не давала ему сделать всего один шаг. Он кричал, звал, махал руками. Но взгляды офицеров проскальзывали, не цепляясь за него, и уходили в сторону. Появился криминалист дядя Яша. Увидел расхаживающего майора и закричал:

– А ну стоять!

Антон мгновенно выбросило из сна.

– Стоять, я сказал, стерва. Что везем, куда?

– Бартал, ты чего прицепился? Мало вам было, что вы сервис столовый украли, все деньги, что отложил милорд, так еще и на дороге разбойничаете. Едем в обитель Заката. Милорда горцы убили, надо отпевать.

Антон услышал возмущенный голос Франси и сел.

– А в бочках что?

– В бочках самогон, оплата за отпевание.

– Так у бочек нет хозяина! – радостно проговорил хриплый мужской голос. – Имрус, ты слышал, старый дуралей помер. Мы немного поторопились уйти. Слезай, старая, с повозки и ступай обратно в свой свинарник.

– Бартал, ты бы совесть поимел, что ли. Сколько можно грабить? Ты же клялся защищать...

– Совесть иметь, старуха, по нынешним временам непозволительная роскошь. Слезай, пока я тебя пикой не пощекотал, и радуйся, что ты выросла из моего вкуса. Я старух не люблю, а то и тебя взяли бы с собой, – и мужчина по-лошадиному заржал. – Верно говорю, Имрус?

Антон сначала испугался. Голос был резким и очень уверенным. Перед такими людьми Антон пасовал. Но то, что его грабят те, кто уже ограбил, Робарта, сильно разозлило. Возмущенный и взведенный, вылез из-под тента.

– Опаньки! А кто это у нас тут? – удивленно произнес усатый воин в остроконечном шлеме с наносником и копьем в руке. На теле воина, сидящего на статном коне, была надета кольчуга. Другой был наряжен в стальную кирасу и находился по другую сторону повозки. Оба на отличных строевых конях.

Антон быстро окинул взглядом местность. Кругом только темная чаща леса. Бандитов было двое.

– Это сын сэра Робарта, молодой милорд, – пояснил Флапий.

– Вот оно как, – проговорил усатый. – Так ты это, милорд, снимай кафтан и портки да ступай себе обратно, живее будешь.

Такое пренебрежительное обращение разозлило Антона еще больше. Его унижали, и унижали на глазах новых подданных. Если он сейчас сдастся и отступит, он перестанет себя уважать до конца своих дней.

– А вот это ты видел! – Антон ударил по сгибу локтя ладонью.

– А это что? – невозмутимо спросил Усатый.

– Это хрен тебе через плечо!

Сомнений как поступить у него не было. Тут или он умрет, или они. Злость, страх, ярость, обида сплелись в один клубок, и, быстро выхватив пистолет, не мешкая, снял пальцем с предо-

хранителя. Навел ствол в смеющееся усатое лицо и нажал на курок. Раздался громкий выстрел, и усатый как подкошенный свалился с коня. Антон живо повернулся ко второму и с каким-то диким, необъяснимым наслаждением выстрелил прямо в удивленно раскрытые глаза.

Встал в полный рост и огляделся. Из-за холма выскочили еще двое всадников. Убрав пистолет Антон выхватил меч. Кровь казака заиграла в нем песней боя, Заглушая страх и все остальные чувства. Потеряв осторожность, он ловко запрыгнул на коня усатого и, ударив того пятками, заставил сделать скачок вбок, рванув удила, направил коня навстречу всадникам. Конь почувствовал волю всадника, всхрапнул и помчался вперед. А Антон, громко свистя и улюлюкая, вращая мечом, как шашкой, с диким упоением устремился в схватку. Ветер в ушах, запах конского пота, залихватская скачка пробудили в нем спящие древние инстинкты. Он не думал о жизни или смерти. Он рвался в бой, как рвались его предки, желая обрести свободу. Неожиданно первый воин натянул удила и вдруг стал сползать с лошади набок. Второй постарался развернуть коня, но стрела, влетевшая ему под шлем сбоку, сбила его с седла. Когда Антон подскочил к лошадям, остановившимся возле тел своих хозяев, драться уже было не с кем. Следом подскочил Флапий, держа короткую пику наперевес. Закружил возле тел и копьем добил бандитов.

– Эх! – воскликнул он возбужденно. – Как в старые добрые времена! На Святой земле. А здорово вы их, милорд! Пух, пух и готово.

Антон оглянулся и увидел Эрзая, стоявшего на своем возу с луком в руках.

– А это кто такие? – спросил Антон показывая мечом на тела.

– Наемники, милорд, те, что служили вашему отцу и, обокрав вас, скрылись. Но недолго голубчики радовались, вон вишь, как вышло.

– А почему вы их раньше не перебили? Вон как Эрзай с луком обращается.

– Так ваш отец не давал такой команды, а нам убивать не с руки. Повесят. Мы люди подневольные. А тут на вас напали, вы напали... и понеслось.

– Тогда собираем трофеи, и отруби им головы. – скомандовал Антон. Доспехи и оружие тоже можно продать. Верно?

– Верно, милорд, только головы зачем рубить?

– У замка на колья повесим, чтоб другие видели, что с грабителями бывает.

– Вот оно, посвящение в Закат, – тихо проговорил Флапий, качая головой, и Антон не понял, осуждал он его за излишнюю жестокость или, просто как факт, констатировал его посвящение. Но Антон в горячке несостоявшейся схватки даже ухом не повел. Он словно переродился. Раньше ему казалось, чтобы убить человека, нужно много смелости, даже отчаяния или сумасшествия. Сейчас он спокойно смотрел на тела убитых и не испытывал ни малейшего сожаления по поводу их участи.

– Франси! Эрзай! Собирайте все ценное с убитых, – закричал Флапий.

– Сколько еще наемников осталось? – спросил Антон, поглядывая на лес.

– Трое, милорд. Но заводил вы убили. Теперь остальные, скорее всего, уйдут подальше. Слух о том, что появился в наших местах новый молодой лорд, что не прощает обид, скоро разнесется по окрестностям...

Глава 3

Флапий с помощью Антона очень ловко избавлял тела убитых от их имущества. Видимо, поднаторел в этом непростом деле. Антону оставалось лишь складывать добро в кучу. Флапий снимал с трупов все, что считал нужным и достойным, но когда он стал стягивать штаны с одного из убитых, перевернув того на спину, Антон подумал о плохом.

– Флапий! – с подозрением обратился он к слуге. – Ты зачем штаны стягиваешь?

– Как зачем, милорд? – тужась и кряхтя ответил тот. – Тяжелый, гад. Нажрал брюхо на дармовых харчах. Уф. Наконец-то! – сдернув малиновые штаны, с облегчением произнес слуга. Флапий взял в свободную руку топор наемника и одним ударом отрубил голову. – Портки-то из бархата, – пояснил он стоявшему и пялившемуся на него милорду. – Франси их в порядок приведет, и носить будете. Но, увидев, как скривился Антон, довольно ощерился: – Ну или мне отдадите, а лучше вон Эрзаю. Он любит перед деревенскими бабами покрасоваться. Приоденется, задерет свой коршунский нос, грудь колесом выставит и идет важно по деревне.

Флапий, держа в одной руке измазанные грязью штаны, а в другой окровавленную голову, постарался изобразить, как Эрзай ходит по деревне. Вышло у него смешно, и Антон не удержался, прыснул.

– Эй? Вы там скоро? – окликнула их Франси.

– Идем уже, дорогуша. Идем! – крикнул в ответ Флапий. – Ну помогайте, милорд. Мне одному все это не отнести. – Слуга показал на грудку железа.

Несколькими ходками он и Флапий отнесли трофеи и положили в повозки. Головы Флапий небрежно закинул в повозку Эрзаю.

– Зачем это? – спросил тот, рассматривая брезгливо кровоточащие головы. – Только мух соберем.

– Милорд зело зол, – спокойно ответил Флапий. – На кол у замка насадим, чтоб, значит, все видели его крутой нрав и боялись.

– А-а-а-а, – неопределенно протянул Эрзай и замолчал.

Довольная, разругавшаяся Франси встретила Антона, как любимого сына.

– Ну, милорд, Вы меня удивили! Ваш старый пер... простите, отец, всегда им уступал. А вы раз! – Она повторила его жест и, громко рассмеявшись, произнесла: – Вот вам хрен через плечо. Интересно, – продолжала она размышлять вслух, – у кого может быть такой хрен, чтобы его можно закинуть через плечо? У Августина, деревенского быка, разве что?

Антон от ее нескромных слов непроизвольно покраснел. Он не был ханжой, но так, чтобы при нем женщина рассуждала о мужском достоинстве, для него было неожиданно.

– Милорд! – Франси неожиданно сменила тему. У этого вонючего хоряка, которого вы убили первым, оказались доспехи благородного человека... Видимо, с кого-то снял и убил, паршивец. И не побоялся.

– Надо их баронскому шерифу в городе отдать, – вставил свое слово Флапий.

Антон зверем посмотрел на слугу.

– Еще чего! – возмущенно проговорил он. – Что с боя взято, то свято. Самим пригодится.

– Золотые слова, милорд, – похвалила его Франси. – А этот Рассветный, она замахнулась на мужа, что его убитый хозяин...

– А я чего? Я ничего! – стал оправдываться Флапий. – Я за справедливость... Вот.

– А справедливость, Флапий, она ведь у всех разная, – любовно поглаживая коня, на котором скакал, ответил Антон. – Для них, – Антон кивнул на тела, – справедливость была в том, чтобы нас ограбить. Они считали, что если ты волк, то бери, а если овца, то терпи. Как-то так.

– А что есть для тебя, ваша милость, справедливость? – с хитрым прищуром спросил Эрзай.

Антон помрачнел.

– А для меня, Эрзай, справедливости не существует. Я не просил Робарта вызывать меня сюда колдовством и называть сыном. Если бы справедливость существовала на свете, я бы тут не был... – он тяжело вздохнул и посмотрел на замерших в полном молчании спутников.

– Так все-таки колдовство! – мрачно произнесла Франси. – Я догадывалась, но боялась поверить. Вам, милорд, лучше об этом не говорить никому, даже нам. Если узнают, что рыцарь Рассвета... Ох, беды не оберемся.

– И вы молчите! – приказала она мужу и Эрзаю. Все так хорошо начиналось, я уже в счастье начала верить...

Антон согласно кивнул. Но сам подумал: «А как я мог очутиться на горе, где кроме зверей и горцев никого нет? По небу прийти?» Естественно, он не просто так там оказался. Подумать не хотят? Или бояться? Кто их поймет? Они думают не так, как он. Говорят не так. Можно ли к такому привыкнуть?..

«Не знаю», – ответил Антон сам себе.

Коней привязали к повозкам и тронулись дальше. Антон оглядывал местность и не мог понять, что тут нужно было бандитам. Дорога пустая, они почти полдня ехали и никого не встретили.

«Странно это, – подумал он. – Может, кто-то из замка сообщил им, но тоже вряд ли. Что у нищего владельца можно взять? Только портки да кафтан», – усмехнулся он. Ничего не придумав, он решил спросить про это у Франси.

– Франси, а что могли делать здесь наемники, если дорога пустая? Кого тут грабить? Мы не встретили ни одного селения, а проехали почти полдня. Хотя, может, я проспал и не заметил?

– Нет, милорд, вы не проспали. Тут, действительно, до имперской дороги нет ни одного поселения. Ваш замок и деревни пограничные. А до имперской дороги – это все ваши земли. Отсюда до нее всего одна льга. Они, видимо, тут прятались.

– А льга – это сколько?

– Льга, милорд, – тысяча вершин.

– А вершина – это сколько?

– А вершина – два локтя.

– Моих или ваших, Франси. С ладонями или с кулаками? – продолжал допытываться Антон.

– С кулаками. Не ваших и не моих. Просто два локтя и все.

– Ага, два локтя усредненных, – вслух рассудил Антон. – Следовательно, это примерно семьдесят-восемьдесят сантиметров. А льга – семьсот-восемьсот метров. Понятно. Хотя пользоваться не очень удобно.

– А у вас по-другому меряют? – спросила Франси.

– По-другому, Франси, но это уже неважно. Тут – это не там.

Вскоре они выехали на перекресток. Их путь пересекла мощенная камнем и шириной в две повозки дорога. Вдоль дороги расположились вросшие в землю домики под соломенными крышами. Полоса леса внезапно закончилась, и показалась равнина, похожая на степь. Долина, поросшая травой и желтыми нивами.

– Это деревня Малые Лопухи вашего лорда барона Газана Рейдеранского. У него пять деревень и один город. Здесь есть постоянный двор, но мы не будем останавливаться. Я поесть взяла с собой, а тут платить надо. Вот проедем Лопухи, остановимся, и я вас покормлю. Вы, наверно, милорд, проголодались?

– Да не особо... после вчерашнего как-то аппетита нет, – уклончиво ответил Антон.

– Мне надо на постоянный двор, – озадачил жену Флапий. Он ехал рядом на лошади и слышал весь разговор.

– Зачем тебе на постоянный двор? – Франси удивленно вскинула бровку. У тебя что, деньги появились?

– А я ему вчера мелочь отдал. – сдал слугу Антон.

Флапий недовольно засопел и кинул укоризненный взгляд на Антона.

– Мелочь? – прошипела Франси. – Закрысил, морда рассветная! И у обоих мужчин по спине пробежал озноб. Антон уже пожалел, что ляпнул про мелочь, а Флапий достал кошель и протянул жене.

– Да что ты такое говоришь, лапушка, – заюлил старик. – Какой там закрысил? Просто... просто забыл... столько всего случилось, понимаешь...

– Я все понимаю, даже больше, чем ты думаешь, бездонная бочка эля. Выпить захотел? Да?.. А это что за монеты такие? Это не королевские и не имперские. Медь, серебро...

– Это сколько? – показала она Антону десятку.

– Десять рублей.

– Десть рублей, значит, десять дибар.

– А это сколько? – показала она пять рублей.

– Пять.

– Значит, пять серебряных монет...

– Подожди, Франси, это не серебро. – попытался остановить женщину Антон.

– Не серебро? А что тогда? – спросила женщина, пробуя на зуб монету.

– Не знаю.

– Если она белая, значит, серебро, меняла скажет, сколько это. А тебе на вот десять дибар, – протянула она мужу десять рублей. Хватит на пару кружек эля.

– Я тоже хочу эля! – встрепнулся Антон, который неожиданно ощутил жажду.

– Там хватит вам на двоих, – решительно обрубила все желания мужчин Франси. Подъем к постоянному двору, я серебро обменяю на королевские таланы.

Антон спорить не стал.

«Хватит, так хватит», – подумал он, а Флапий даже расцвел от предстоящего удовольствия.

Постоянный двор представлял из себя большой добротный сарай с обширным огороженным плетнем двором.

Флапий, отстав на полшага, указал рукой Антону, чтобы он следовал на постоянный двор. Антон, робея, не зная, что его там ждет, пошел к деревянному крыльцу под навесом. Из дверей вышла группа людей, и Антон по привычке хотел посторониться, пропустить их, но в спину ему уперся кулак Флапия.

– Прогоните их, милорд! – зашипел он. Антону ничего не оставалось делать, как идти прямо в эту толпу. При его приближении люди сняли уродливые шапки и поклонились, давая ему пройти. Флапий забежал вперед и подобострастно открыл перед ним дверь. Из помещения постоянного двора на Антона обрушился затхлый запах немытых тел, влажных испарений и чада из кухни.

– Что-то мне не нравится это придорожное кафе, – пробурчал он, – тут воняет.

– Где воняет? – Флапий жадно вдохнул ароматы зала и, предвкушая выпивку, довольно расплылся в улыбке. У небесных фейри в их дворцах хуже пахнет, чем здесь, милорд, – и решительно подтолкнул Антона внутрь. Без кружки выпитого эля он уходить не собирался, а на пути к его счастью столбом стоял и крутил носом молодой милорд.

– Ничего, пообтешетесь, привыкните, – пробубнил он и быстро направился к стойке. К Антону подскочил круглолицый парень в грязном, когда-то белом фартуке, и, непрестанно кланяясь, поспешно заговорил:

– Проходите, ваша милость, в зал для господ. Я вас провожу. Вон туда, к стойке. Там огороженное место. Там вам будет удобно... Мы рады, что вы посетили наш постоялый двор. Надеюсь, что вы останетесь довольны. У нас лучшая кухня и эль во всей округе.

У Антона от чада защипали глаза, и он непроизвольно поморщился, чем нагнал страха на полового.

– Вот, садитесь сюда. – Парень, пятясь, смахнул грязной тряпкой со стула крошки, и Антону ничего не оставалось, как сесть. Он был уже не рад, что захотел попробовать местного эля.

– Чего изволите?

– Эль, и все. Кружку, – сказал, как отрезал, Антон, и половой тут же испарился. Через некоторое время глаза и нос Антона привыкли к обстановке, и он стал с любопытством оглядываться.

У стойки, слева от того места, где сидел Антон, состоялся разговор Флапия и толстым мужиком с сальной рожей. Флапий выложил перед ним десять рублей. «Барнен» повертел монету в руках, понюхал.

– Качественно сделана, – уважительно произнес он. – Сколько тут, и откуда монета.

– Десять дибар, греческая.

– Чего тебе? – спросил «бармен», пряча монету.

– Четыре эля и две стопки горькой. Мне и моему господину, – указал головой на Антона Флапий.

– Господина уже обслуживают...

– Я сам обслужу.

– Как знаешь.

Справа находился стол, за которым сидел сухенький, с крючковым носом человек с тюрбаном на голове, а возле него стоял с дубиной на поясе бородатый мужик, очень похожий на тех горцев, которых убил Антон в первый день своего появления на горе. К нему подошла Франси.

– Желаю здравствовать, господин Аль Велвел, – поздоровалась она.

– И тебе не хворать, Франси. Как ваш господин?

– Помер.

– Помер? Ну, хорошего ему посмертия... Что принесла?

– Монеты издалека.

– Покажи.

Разговор шел, как между старыми знакомыми, и Антон даже немного испугался, что меняла, а это был он, сразу догадается, что у нее не серебро. Стыда потом не оберешься.

Франси выложила рубли на стол перед менялой. Тот внимательно осмотрел монеты.

– Качество исключительное, таких я еще не видел. Откуда?

– Не знаю, господин Аль Велвел. Молодой милорд привез из дальних странствий.

– Так у сэра Робарта есть наследник?

– Появился.

Меняла покивал головой.

– Это хорошо! – сказал он. – Негоже феодал оставлять без присмотра. Так хозяйство в упадок придет. Может, вам нужен толковый управляющий? Так я могу...

– Сама справлюсь. Монеты примете?

– Это, Франси, не серебро, но монеты знатные. Приму без обмана по весу. Устраивает?

– Вполне.

– Он сложил на весы рубли, на другую сторону королевские таланы. Антон автоматически считал серебряные кружочки. Вышло семь.

– Добавить бы надо, – промолвила Франси и недовольно поджала губы.

– Могу дать еще пятьдесят дибаров, и все. Я должен получить свою прибыль, Франси.

– Я согласна, – кивнула женщина. Получив монеты, она огляделась, увидела милорда и широко улыбнулась. Антон поманил ее пальцем.

– Садись рядом, – указал он на стул. Франси гордо вскинула голову и с торжествующим видом оглядела зал. По ее позе и взгляду Антон понял, о чем она думала в этот момент. Все должны видеть, какой чести она удостоена. Франси села и, как леди, расправила платье.

Подошел с подносом Флапий поставил кружки и стопки на стол и, не спрашивая разрешения, упал на стул рядом с женой.

– Ну! Будем! – прогундосил он и, выпив залпом стопку, жадно присосался к кружке с элем. Антон поднял стопку и понюхал самогон. В нос ударил сильный сивушный запах. Поставив стопку на стол, Антон осторожно пригубил эль. Эль оказался теплым, кислым пивом. Поморщившись, Антон поставил на стол и кружку. Оглядел зал, где стояло с десятков длинных столов с лавками. Место для благородных было огорожено плетнем, таким же, как двор. Маленькие окна едва пропускали дневной свет и крупицу свежего воздуха. Все достоинство места для благородных заключалось в том, что оно находилось рядом со стойкой, где отпускали напитки и нехитрую закуску. Сюда же доносились более похожие на миазмы ароматы из кухни. На Антона вновь накатила смертельная тоска по дому.

«И мне предстоит жить здесь до конца моих дней, – не соглашаясь с такой участью, подумал Антон. – Не лучше ли свести счеты с жизнью и не мучиться в этом средневековом аду? Зачем все эти проблемы с будущими сменщиками, которые появляются здесь по непонятной причине из других миров? Этому миру он ничего не должен... Может, это и есть ад? А он умер там, на поляне?»

Антону до боли стало себя жалко. Он сидел и почти с ненавистью смотрел, с каким наслаждением Флапий пил кислятину и на губах его противно для глаза пузырилась пена. Еще немного, и на глазах Антона выступили бы слезы, а он разразился бы матом и проклятиями, но в последний момент он сумел сдержаться. Прикрыв глаза, посчитал до десяти и, выдохнув, поднялся.

– Душно, и воняет здесь. Я на улице вас подожду! – твердо заявил он и, не оборачиваясь, боясь посмотреть на замерших мужа и жену и наорать на них, поспешно пошел на выход. Он не смотрел по сторонам, не обращал внимания на крестьян, что расступались при его приближении. Он хотел уйти. Совсем уйти. Потеряться и умереть. Лишь бы не видеть ненавистные ему лица слуг и всего этого «срача», как он мысленно назвал схвативший его мертвой хваткой мир, что окружал его повсюду неестественно зеленой свежей травой без пыли, грязью на дорогах, вонью проходящих крестьян, их подбострастием...

Ненависть и гнев заполонили его душу. Застлали взор.

«Лучше сдохнуть, чем так жить!» – широко шагая, решил он...

Но на крыльце его посетили совсем другие мысли. Теплый ветер ласково потрепал по щеке. Молодая красивая девушка, видимо, дочь купца, прилично одетая, одарила его восхищенным взглядом и, опустив голову, пробежала мимо. Сам купец снял нелепую шляпу и, отнеся поклон, важно прошествовал мимо. От взгляда красавицы сердце Антона екнуло.

Может, тут не так страшно, как ему показалось?.. Может, он сможет освоиться и вжиться?.. Может, это испытание ему дается?.. Проверяет его на прочность?..

– Мы сами гнем беду под себя! – Выпив и сжимая крепкий кулак, говорил ему подвыпивший отец. – Наша фамилия пошла от крепости духа наших предков. казаков! Не посрами, сынок, фамилии.

«Не посрамлю, отец! – мысленно пообещал он. – И возьму себе прозвище Загнибеда! И буду эту беду гнуть в бараний рог». – Он сжал кулак и потряс им в воздухе.

Теперь ему стало легко. У него появилась цель, которая была понятна и доступна. Он должен выстоять, победить и согнуть беду под себя.

– Врешь! – прошептал он. – Не возьмешь!

За его спиной хлопнула дверь. Он обернулся и уже по-другому посмотрел на испуганных слуг. – Вы чего? – спросил он. – Я вас не торопил, допивайте эль...

– Не можем, милорд... почти плача, отозвался растерянный Флапий. Это умаление вашей чести.

– Тогда носи кружки сюда, и мы с тобой допьем эту кислятину. Здесь везде такое пойло? Честно тебе скажу, Флапий, я лучше десять кружек настойки Франси выпью, чем ту бурду, какую подают в этой забегаловке.

– Я ему об этом сто раз говорила. – ожгла недовольным взглядом мужа Франси. – Я сама могу эль сварить. Нужно купить только сырье, и он вам, милорд, уверяю, понравится.

– Хорошо, Франси, заработаем денег и наварим эль. Иди, Флапий, за своим элем, пей, и тронемся в путь.

С веселым настроением, насвистывая мелодию «Все могут короли», Антон направился к дремавшему Эрзаю.

Тот глянул искоса и спросил:

– Всё? Можем трогаться?

– Флапий допьет свой эль, и поедет, – ответил Антон. – А ты чего не пошел с нами?

– В эту вонючую дыру? Пить кислятину? – презрительно фыркнул степняк. – Это только Флапий любитель таких сомнительных удовольствий. Ему Франси в замке пить не разрешает, так он... И Эрзай, понимая, что сболтнул лишнее, запнулся на полуслове.

– А где-то тут есть хороший эль? – поинтересовался Антон, любивший холодное пиво.

– Есть, как не быть. У братьев – послушников Заката очень приличный эль. Приедем, попробуете и скажете свое мнение.

– Хорошо, договорились, – кивнул Антон. Он залез в повозку и лег на примятое сено. Достал смартфон и бережно, почти нежно погладил темное матовое стекло. Он несколько долгих секунд, которые показались ему вечностью, смотрел на экран. Потом включил его и открыл фото своей семьи. Отец и мать в обнимку стояли и смотрели на него, провожая на стажировку. Тогда казалось, что это начало его новой, самостоятельной жизни. Но совсем новая жизнь началась несколько позже. И не там, где планировалось.

Антон поцеловал изображение милых и родных ему людей. Всмотрелся в их лица. Усталые, но все же улыбающиеся. И постарался запомнить их до мельчайших подробностей. Родинку матери на щеке, несколько кривоватую улыбку отца. Он понимал, что прощается с ними надолго, если не навсегда. Скоро заряд в батарее закончится, и экран погаснет... Навсегда. Ну, или пока он не научится добывать здесь электричество. Несколько раз закрыв и открыв глаза, он постарался запечатлеть их изображение в своей памяти. Затем решительно отключил смартфон и спрятал его в поясную сумку. Он был спокоен. Приняв решение, Антон уже не отступал, это была черта характера, передавшаяся ему от отца. Волнения и сомнения уже не тревожили его. Он будет жить! И жить так, чтобы нагнуть все беды. Вот его девиз и смысл существования здесь.

«Загнибеда не сдастся никогда!» – вспомнил он шутливые слова отца, и улыбка непроизвольно растянула его губы.

Пришли Флапий с женой, и повозки, тихо поскрипывая, двинулись дальше.

Когда местное солнце стало устало клониться к закату и стыдливо прятаться за тучками, они прибыли в деревушку с крепкими каменными домами. Здесь даже была одна широкая прямая улица, ведущая к большому храму.

Обитель слугителей Заката была такой, какой Антон представлял себе замок Грозные ворота. Могучей каменной твердыней, стоящей на крутом склоне горы. У ее подножья раскинулось поселение, в центре которого расположилось прямоугольное здание с колокольней, на шпилье которого высился большой крест.

В самую обитель они не поехали. Заехали в поселок и остановились на постоялом дворе.

Милорда к «церкви», как про себя назвал здание Антон, повел Флапий.

– Сразу этим Закатным расскажите о своем деле, милорд, – напоминал заботливый слуга. – И не забудьте показать свой знак посвящения.

Антон, молча соглашаясь, кивнул.

У «храма» их встретили два молодых парня.

– Это послушники, – прошептал Флапий. – Идите, милорд. – Он остановился в тридцати шагах от здания и быстро зашагал прочь. Антон оглянулся, пожал плечами, не зная, отчего тот так быстро удрал, и направился к молодым парням в серых рясах, под которыми виднелись кольчуги. На поясе у каждого висели шестоперы.

В средневековом оружии и снаряжении Антон неплохо разбирался, и все благодаря компьютерным играм. Сам Антон не курил, по клубам не тусовался, все свободное время просиживал за играми, скача на коне и размахивая мечом. Здесь он чувствовал себя в своей стихии.

– Тебе что-то нужно, мирянин? – баском встретил его послушник с жидкой светлой бородашкой. Видно было, что он хотел выглядеть солидней, но Антон со своими метр восемьдесят пять возвышался над ним почти на голову.

«Может, еще и поэтому меня приняли за сына Робарта», – подумал Антон. Тот тоже был высокий, по сравнению с теми, кого Антон видел в этом мире, просто великан.

– Я новый владетель замка Грозовые ворота. Мой отец рыцарь Робарт умер, ему нужно отпевание.

– Понятно, сэр. Пройдемте со мной к Достойному отцу Эгиеду. – Послушник сложил руки на животе и пошел во двор. Антон последовал за ним.

Внутри святилища Заката, Антон потом узнал, как называется это здание, располагались жилые помещения для послушников и зал приема мирян. В этот день дежурил Достойный отец Эгиед. Скорее воин, чем монах или священник, с косым шрамом через все лицо. В почти черной мантии, с большим серебряным крестом на груди и подпоясанный шелковым серым поясом. На голове у него был серебряный обруч, прижимающий длинные, спускающиеся до плеч волосы. Он внимательно выслушал Антона, также внимательно его рассмотрел. Антон, помня наказ Флапия, вытащил свой нательный золотой крестик и показал Эгиеду.

На секунду лицо Достойного потеряло невозмутимость. Затем суровые складки на его лице разгладились.

– Давно ли у тебя это знак Заката, мой мирской брат? – тихим и приятным голосом спросил он.

– С рождения, Достойный отец Эгиед...

– Вот как... Тайно посвященный...

Что это значит, о чем говорил этот служитель Заката, а еще ранее Франси, Антон не понимал и сейчас понимать не хотел. Его мало интересовало, что понимают под посвящением все эти люди. В свое время узнает, и если на него это наложит какие-то обязательства, он их просто проигнорирует.

– Дай мне твой символ веры, я его после заката освящу. Приходи за ним ровно в полночь. Служитель требовательно протянул руку, и Антон, не споря, снял с шеи крестик и вложил ему в ладонь.

– А сейчас, брат, расскажи, как умер твой отец? – Крестик он оставил в руке, поднес к лицу и рассмотрел.

– Его убили горцы при нашей с ним встрече.

– Жаль... Он остался неотомщенный?

– Горцев я убил. Их головы лежат в леднике вместе с телом отца. Еще четыре головы лежат в повозках, на которых мы приехали. Это головы тех, кто грозил отцу убить его, воспользовавшись его старостью...

– Понятно. Ты, брат, был в своем праве, только не сделай месть основным смыслом своей жизни. Остерегайся крайностей. Мы пошлем к вам духовника, он проводит вашего отца в последний путь, плату не возьмем. А теперь ты можешь идти и приходи в полночь...

Неожиданно для самого себя Антон склонил голову и попросил:

– Благословите, Достойный?

– Твое смирение похвально, мирской брат, и говорит о твоей искренней вере. Благословляю пути твои, твердую руку твою, и да храни чистым свой разум, брат. Иди.

Уходя, Антон с легкой, немного грустной усмешкой в сердце, размышлял: «Сколько, оказывается, у меня родственников по вселенной! Сначала обзавелся отцом, теперь вот братьями».

Какого-то особого значения обращению к нему как брату Антон не придавал. Мало ли чего наговорят эти, ему незнакомые, чужие люди. То, что его крестик сошел за символ местных религиозных воззрений, его абсолютно не трогало. Не бредило в нем и не рождало религиозных чувств. Как и то, что его в детстве крестили. Носил его больше по привычке, чем по осознанию необходимости, носил просто как украшение.

На постоялом дворе его встретила донельзя довольная Франси. Казалось, женщина скинула лет десять своих прожитых лет. Она была резка в движениях, глаза горели веселым задором. Румяные щечки делали ее еще более привлекательной. Франси ухватила Антона за руку и потащила к дальнему столу зала. В этой харчевне было чисто. Чинно сидели немногочисленные паломники в серых одеждах, похожих на рясы. Зала для благородных тут не было, Хотя Антон мельком увидел несколько мужчин в одежде, похожей на его, и с невыносимо надменными взглядами. К таким даже подойти было боязно. Они сидели в общем зале харчевни при постоялом дворе, где за одним из столов уже пили из больших деревянных кружек Флапий и Эрзай. Антон присоединился к ним. Ему пододвинули кружку, и понюхав янтарный напиток, он убедился, что тот пахнет настоящим пивом. Вкус тоже оказался на высоте.

«Ну что ж, не все тут так плохо, – подумал он. – По крайней мере, есть отличные виски и пиво».

– Вот, милорд, пять серебряных таланов и пятьдесят дибар. Один серебряный талан я отдала за постой. Пятьдесят дибар выделила на выпивку этим пропойцам. – Женщина положила перед Антоном стопку монет. Пропойцы сидели рядом и, не обращая внимания на ее слова, пили эль.

– А это от продажи настойки, – ее лицо излучало счастье. – Восемь империалов серебром. И я договорилась о постоянных поставках настойки братьям Заката. В тяжелом кошельке в виде кожаного мешочка звенели монеты. Антон взял одну серебряную монету и одну медную, повертел в руках и убрал в поясную сумку. Остальное пододвинул Франси.

– Забирай деньги и распоряжайся ими как хозяйка, – сказал он и приложился к кружке с элем.

Женщина от таких слов оторопела. За столом установилась тишина.

– Что? – удивившись происшедшим переменам в лицах четырех слуг и Эрзая, спросил Антон. – Что теперь не так?

– Что? Вы еще спрашиваете? – смогла с трудом вымолвить Франси. – Вы ведь доверяете мне управлять вашими деньгами!

– И что? Ну да. Доверяю. – кивнул Антон. – Бери и трать со смыслом и пользой для хозяйства. А что ты на меня так смотришь? Я с ума не сошел. Коли ты так отстаивала свою настойку, что никто не смел ее трогать, то серебро у тебя уж никто не заберет. А куда тратить и как, ты лучше меня знаешь... Он повернулся к закрывшему рот Флапию. – Эля еще закажите.

Они сидели, пили эль и ели жареные колбаски в тонкой лепешке. На тарелке лежала груда вареных раков, и Антон наслаждался едой и покоем.

– Эрзай, а ты отлично стреляешь из лука. Он у тебя составной? – Антон перевел разговор на военную тему.

– Это наш лук, кочевников, из рога и сухожилий. Бьет далеко, гораздо дальше длинных луков лучников королевства. Щит и кирасу пробивает влет.

– Отличный лук, научишь из него стрелять?

– Нет, сэр.

– Нет? А почему?

– Этому учатся с детства. Да и рыцари из лука не стреляют.

– А из чего они стреляют?

– Не из чего не стреляют. Меч, копье, булава или топор – вот их оружие. Имперцы кидают дротики. Лучники из керлов⁹ королевства используют луки из тиса. Они не могут натянуть наши луки, и натяжка у нас другая.

– Жаль, – огорчился Антон, – а я хотел набрать молодых парней из крестьян в стражу и обучить их стрельбе из лука.

– Из лука они все умеют стрелять милорд, – вступил в разговор внимательно слушающий их Флапий. – Они сплошь охотники, только луки охотничьи, маломощные, и стрелы с костяными наконечниками.

– Понимаю. – мечтательно произнес Антон. – Вот если наделать для них составные луки, не такие мощные, как луки кочевников, но более мощные, чем тисовые... Это... Была бы сказка. В общем...

– А такие луки есть, сэр, – ответил Эрзай, чем сильно удивил Антона.

– Есть? – переспросил он.

– Да, есть. Пять десятков сложных пехотных деревянных луков. Я сделал их от скуки... предлагал их вашему отцу. Но он и слушать не хотел о том, чтобы вооружить крестьян луками. Он всегда нанимал отряд из полусотни наемников и хорошо им платил. Да и было за что. Раньше с гор каждый год спускались горцы. Грабили, уводили в полон людей и скот. Ваш отец ходил на горцев и выжигал целые селения. Никого не щадил, ни женщин, ни детей... Оставлял лишь тела и пепелища... Теперь вот уже как лет пять горцы в этих местах не появляются.

– Уже появились, – хмуро отозвался Антон. – Наемников набирать у нас средств нет. А крестьян я могу заставить служить... Ведь так? – спросил он, посмотрев на Флапия.

– Так, милорд, так, – не очень радостно согласился слуга. – Только воин и крестьянин, это, как бы мягко сказать...

– Две большие разницы, ты хочешь сказать, – помог ему Антон.

– В самую точку, милорд. Виллана¹⁰ еще учить надо, с какого конца держать копье.

– Понимаю и эту проблему. Но вот если у тебя, Флапий, например, нет серебряных монет, а есть медные, и нужно что-то срочно приобрести. Ты что будешь делать, ждать, когда появится серебро, или потратишь медь?

– Конечно, буду тратить медь милорд. Это всем понятно.

– Так и мы, не имея возможности нанять наемников, будем пользоваться тем, что есть. Я тоже пошел служить, не зная, с какого конца держать пулемет, и ничего, научился.

– Вы служили, сэр? – удивился Эрзай.

– Да, как все молодые парни моей страны, служил год. Но оружие было другим. Тут такого нет и еще лет пятьсот не будет.

⁹ **Керлы** (или кэрлы; англосакс.: churl или seorl) – слой простых свободных земледельцев-крестьян в англосаксонский период истории Британии. **Керлы** составляли социальную основу англосаксонского общества.

¹⁰ **Вилланы** (лат. villanus; англ. villein, serf) – категория феодально зависимого крестьянства в некоторых странах Западной Европы (Англия, Франция, Германия, Италия) в период Средневековья. В Англии под **вилланами** понималась основная масса феодально зависимого населения.

– Вот оно что! – задумчиво произнес Эрзай. – А я-то думаю, где вы научились скакать на лошади по – нашему, по степному, и по-нашему махать мечом... Как саблей. А вместо луков у вас, стало быть, были пуле...мет... Как баллисты у шеров?

– А что такое пулемет? – заинтересованно спросил Флапий?

– Это... Это самострел, – нашелся Антон.

– Само-острел? – протянул слуга. – И что он, сам стреляет?

– Это, Флапий, – обрубая разговоры о технологиях, отозвался решительно Антон, – военная тайна.

– Эрзай, – обратился он к степняку. – Вы раскрываете секрет изготовления ваших луков другим?

– Мы что, дурни? – засмеялся тот. – Нет, конечно.

– Во-от! Сам слышал. – Антон посмотрел на обескураженного таким ответом сенешаля. Неси лучше эля и колбасок.

– А крестьян надо чем-то вооружить, – продолжал рассуждать вслух Антон. – Луки есть...

– Франси, а оружие в замке есть? Броня там... кольчуги?

– Нету, милорд, ваш батюшка ничего такого в замке не хранил. Есть запас стрел. Их Эрзай с Торвалом наделали, так они у них и хранятся.

– Ясно... а запасы железа есть?

– Тоже нету. Есть бронза и медь. С рудника остались. В кузне у Торвала. Если бы не у него они лежали, то Робарт и это продал бы.

– Ничего нет, – расстроенно произнес Антон. Не выдержал и съязвил. – Я так понимаю, батюшка решил уйти из жизни так же, как появился на свет, голым. А он говорил, что для меня приготовил место. Место, я вижу, это замок. Все остальное пустил по ветру. Он еще оставил какие-то записи для меня. Где они, Франси, знаешь?

– Если они есть, то в его библиотеке ищите. Мне он ничего не оставлял, да и мужу тоже. Если бы он что-то оставил этому недотепе, я бы знала, милорд.

– Поищу. А четыре комплекта снаряжения для воинов у нас есть. Так что поставим на ворота лучших, и не стыдно будет. Остальным что-нибудь придумаем.

– Вы о себе не забудьте, милорд. Вам по весне к барону ехать, рыцарство получать.

– Да уж постараюсь, Франси. А как оно тут получается? Это рыцарство.

– Как и везде, на турнире или в бою. – ответил за жену Флапий. – В бою почетней. А вы его уже заслужили, отомстили за отца.

– Вам, милорд, – перебила мысли Антона Франси, – нужно думать о том, чтобы вновь разводить фелиссу. Ищите деньги, можете под залог взять у ростовщиков, купим семена, посадим под зиму и уже летом надавим масло. Расплатитесь с долгами, отдадите выход барону.

– А много надо? На семена?

– Двадцать империалов хватило бы.

– А какая прибыль будет от этого?

– Все сто, а то и сто пятьдесят, смотря какой урожай вызреет. Но я думаю, будет хороший. Земля отдохнула, соки набрала, выход будет больше.

– Хорошая идея, – согласился Антон. – А если продать снаряжение, что мы взяли с наемников, сколько можно за него выручить?

– Его править нужно, продать, если что, получится три комплекта. Думаю, пять-шесть империалов.

– Значит, будем исходить, что пять, – начал подсчитывать Антон. – Семь у нас есть. Еще пять за снаряжение. Итого двенадцать. Осталось найти восемь империалов.

– Почему семь? Восемь есть, – удивилась Франси.

– Там полимпериаля твои, и еще столько же пойдет на кое-какие расходы. Так что, считаем, семь. А какой процент берут ростовщики?

– Сто процентов, милорд.

– Сколько? – брови Антона непроизвольно взлетели вверх.

– Сто.

– Грабеж! Нет, к ним мы обращаться не будем. Что-нибудь придумаем. У нас есть бронза и кузнец...

– А кто кузнец? – как всегда, удивил его вопросом Флапий.

– Как кто? Торвал.

– Торвал живет сам по себе. Не захочет – ничего делать, не будет. Он не кузнец, он горный мастер. Хотя каждый шер и кузнец, и колдун, и ювелир. – произнес Флапий, и задумался. – Хотя, если он захочет, то, конечно, может помочь. А не захочет – ничего и никто его не заставит. Шер, одним словом.

– Эрзай, ты сможешь мне?

– Чем? – равнодушно отозвался тот.

– Ты не просто мастер по коже, дереву, и лукам, ты же еще и воин.

– Ну, допустим.

– Научишь крестьян стрелять и дашь им свои луки?

– Ну, если ты меня, сэр, попросишь, то я не откажу.

– Я очень тебя прошу, Эрзай, со всем моим уважением к тебе.

– Договорились, – кратко ответил тот.

– Спасибо.

– За что спасибо?! – всплеснула руками Франси. – Живут эти приживалы у вас, едят и пьют за ваш счет, и еще спасибо! Вы их укрываете, а они еще условия ставят! Ну Эрзай... – тихо прошептала Франси, и из ее глаз выплеснулся огонь. По спине у Антона побежали мурашки. Он напрягся. Пробрало даже Эрзая.

– Франси, ты чего, я же пошутил! – заюлил он.

– Пошутил, стервец! Поиздеваться захотел? Пользуешься его незнанием твоих обстоятельств? Ты должен в ноги ему пасть и просить оставить в замке... – Она вдруг остановилась на полуслове и успокоилась так же мгновенно, как и только что гневалась. Правда, руки ее подрагивали, и от них исходила странная волна ощущений, которую Антон принял за опасность. Франси стряхнула с рук на пол что-то невидимое глазу, и доски у ее ног почернели.

– Сэр! Ваша милость! Вы хоть скажите ей, что я пошутил. Проклянет ведь...

– Эрзай, я к тебе обращался без гордости, как к равному. Ты же решил, что меня можно унижить... Почему? Мою доброту принял за слабость?

– Простите, сэр. Неудачная шутка.

– Прощаю, Эрзай, хочу думать, что ты делал это не со зла. – Антон сам не понимал, откуда из него посыпались эти слова. Словно кто-то чужой внушил их ему и заставил говорить со степняком в такой внушающей страх и почтение к себе манере. Сначала он хотел махнуть рукой. Все перевести в шутку, но понял, что не может.

Франси молча и удовлетворенно посмотрела на него.

«А она непроста!» – подумал Антон. Затем поднялся.

– Ладно. Посидели и хватит. Надо мне идти свой символ веры забирать. – Он каким-то чутьем понял, что наступила полночь, и направился на выход.

На входе в святилище его встретили уже другие послушники, но молча, ни о чем не спрашивая, повели его в зал приемов.

Там был уже другой, незнакомый ему Достойный. Он указал на одну из дверей и произнес:

– Иди и забирай свой символ, брат.

– Я один? – спросил Антон.

– Да, один. – равнодушно ответил служитель Заката.

Антон открыл дверь и окунулся в темноту. Осторожно прикрыл за собой дверь, остановился на пороге и стал рассматривать слабо освещенный постамент, стоящий посередине комнаты. На постаменте синим блеклым светом светился кристалл, а крестик был примотан к нему цепочкой. Поборов робость, Антон направился к кристаллу, неуверенно протянул руку, и тут над кристаллом появилась прозрачная мерцающая фигура, закутанная с ног до головы в плащ с капюшоном. От неожиданности Антон сделал шаг назад.

– Кто ты, что посмел дать мне амулет, посвященный другому? – тихий голос, звучащий с разных сторон, опутал волю Антона и связал онемением его тело. Ему подчинялся только его язык.

– Я из другого мира. Один сумасшедший ученый закинул меня сюда... я не хотел причинить зло или обидеть.

– Но ты это сделал. Хотя... я не вижу в твоём сердце вражды ко мне. Но за твоё святотатство я должна тебя наказать, иномирец. Единственное условие продолжения твоей жизни – это служение мне.

– А ты кто?

– Я та, кто властвует над душами умерших. Я встречаю их на последнем пути и воздаю им по делам их. Мое имя скрыто для тебя... пока.

– Служить? Тебе? – Антон разозлился. Все от него чего-то требуют, ставят условия... Словно он им должен.

– Я не знаю, как служить! Я устал притворяться. Хочешь, убей меня, и на этом закончим, – резко произнес он.

– Ты не испытываешь передо мной страха. Это хорошо. Ты смел, но не безрассуден. Ты не тупой исполнитель. От тебя, Антей, нужно лишь согласие. И все.

– И все? Ты знаешь мое имя? Хочешь, чтобы я тебе служил... А что взамен? Служба не бывает бесплатной...

– Я не требую невозможного, и в устах моих нет обмана. Я должна тебя убить, но не хочу этого. Согласись быть моим служителем, больше ничего не требуется. За службу я буду покровительствовать тебе. Или ты думаешь, что не наживешь врагов? И спрячешься за стенами замка? Этот мир опасен, иномирец.

Антон не стал раздумывать. Он прямо спросил:

– Мне нужно будет для тебя убивать?

– Нет. Мне не нужны кровавые жертвы. Я не питаюсь страхами и муками смертных. Я олицетворяю равновесие, если хочешь. Ты сам поймешь, что нужно делать... Со временем.

– Хорошо, я буду тебе служить, олицетворение равновесия. Я сам не люблю крайности, и покровительство, думаю, мне и в самом деле пригодится. А как имя той, кому я буду служить?

– Я приняла тебя, Ант. Возьми свой оберег. И храни нашу тайну. Ищи меня, и мое имя тебе откроется. – Фигура стала таять и, наконец, исчезла. Исчезли связывающие его оковы.

Антон протянул руку и взял свой крестик. Надел на шею, и тысячи игл пронзили его тело мгновенной болью, и сразу все прошло.

«Он признал своего хозяина», – прошелестело у него в голове. Антон погладил крестик через ткань туники и пошел прочь.

«Если это иллюзия или голограмма, – размышлял он, выходя из святилища, – которую местные жрецы Заката используют для привлечения религиозных фанатиков, то я ничего не потерял и ничего не приобрел. Что тоже неплохо. А если эта олицетворяющая равновесие сущность сверхъестественна, то ее покровительство мне не помешает. Что-то в этом мире есть необычное. Вот, хотя бы, взять Франси. Она обладает странной силой повелевать людьми, и

ее бояться, хотя служит простой кухаркой. Живущие в замке что-то знают, но молчат. Тут все полуприкрыто недомолвками, которые дают пищу для размышлений».

Он пришел на постоянный двор и, постояв у крыльца, решительно направился к повозке, по пути прихватив из-под навеса охапку сена.

– Не хотите спать внутри? – услышал он неожиданный вопрос и, вздрогнув, схватился за сердце. Немного успокоился и нервно рассмеялся.

– Эрзай, блин! Я чуть не помер от неожиданности...

– Я это заметил. Простите, ваша милость. Не думал, что так получится.

Антон поправил сено, расстелив его, как матрац, и залез в повозку.

– Я вижу, ты часто не думаешь, – проворчал Антон.

Степняк хмыкнул.

– Х-м. Вы правы, сэр. Есть за мной такой грех. Часто говорю то, что думаю, и, бывает, невпопад. Я же что сначала? Не принял вас сердцем... Я думал, что вы, как и ваш отец, Рассветный... И с вами проблем будет больше, чем с ним. А с ним мы, если честно, устали. Станный он и непостоянный был. Метался... Из крайности в крайность. Молодым был – очищал земли от колдунов и магов. А меня и Торвала почему-то спас. Нас сжечь хотели. Он выкупил и без всяких условий привез к себе, а потом забыл о нас. Хочешь – живи, хочешь – уходи... А куда одному уйти? Везде инквизиторы... поднесут свое солнце к тебе и скажут – колдун... Жесткий был человек, а к старости стал грехи замаливать, прощал всё и всем. Ему можно было на голову гадить... Вы уж простите, я разоткровенничался. Я к вам переменял отношение, когда вы в бой ринулись с одним мечом. Те наемники вас бы на куски порубили. Красиво махать мечом вы умеете, но вот сражаться, простите за откровенность, нет. Ну и не выдержал, стал стрелять. Потом только подумал, что вы захотите меня наказать за своеволие. Могли и казнить, и были бы правы... Стрелять из лука я научу вас... и стражу научу. А меч – это к Торвалу. Он им неплохо владеет. И одноручным, и двуручным. И топором, и молотом, и дубиной. Но к шеру подход нужен. Упрямый они народ. Если однажды скажут «нет», то потом никогда свое решение не переменяют.

Сердце Антона похолодело. Он отчетливо понял, что был на волоске от гибели. Зарвался, как бы сказал отец. Легкая победа над двумя грабителями вскружила ему голову.

«Елы-палы! – подумал он. – Надо быть осторожным. Больше узнать об этом мире. О шерах, например».

– И как найти к нему подход? – заинтересованный рассказом Эрзая, спросил он.

– Этого я до сих пор не знаю. Но, думаю, у вас получится. Вы же с ним уже пили, а шеры не со всяким сядут за стол.

Они еще поговорили о разном, и Антон начал дремать. Монотонный голос степняка действовал успокаивающе, убаюкивал, и, не вникая в суть того, что говорил Эрзай, Антон отключился.

Его мирный сон нарушил сноп света, ударивший в глаза. Недовольно щурясь, он увидел, что находится в кабинете начальника горотдела полиции полковника Евдокимова. В его кабинет зашла секретарша Марина, девица в короткой юбке и с наклеенными ресницами. Резким писклявым голосом она сообщила:

– Павел Тимофеевич. Там к вам пришли из ФСБ.

– Пусть заходят.

– Проходите, пожалуйста, – пропищала Марина и отошла в сторону. В кабинет зашли двое в штатском. Один показал удостоверение и представился.

– Майор Федеральной службы безопасности Макачук Вадим Сергеевич.

– Присаживайтесь, товарищи. Я слушаю вас.

Офицеры сели за приставной стол. Майор вытащил лист из папки, положил пред начальником городского отдела на стол.

– Мы забираем дело по убийству гражданина Ительсона Леонида Иосифовича себе. – Полковник ознакомился с документом и кивнул.

– Хорошо, что от нас требуется?

Передать все материалы, какие есть, вещдоки, и только.

– Я распоряжусь. Что со стажером Загнибедой?

– Вы подали во всероссийский розыск. Пусть там и висит. Он пока единственный подозреваемый. К родителям его уже ездили?

– Да, направили туда нашего оперативного сотрудника.

– Хорошо. Ну не смеем вас больше отвлекать...

Антон стоял рядом все слушал, хотелось подойти к столу и сказать: «Да вот я, здесь», но вновь не смог. Он топтался у невидимой стены и не мог преодолеть метр до стола, за которым сидели и говорили о нем. Затем майор поднялся, посмотрел в его сторону и прошептал:

– Тише. Он здесь. – Неожиданно быстро выхватил пистолет и выстрелил в Антона. Антон в последний миг успел уклониться и, вытянув руку, почему-то неимоверно длинную, ухватил стреляющего за кисть, в которой был пистолет. Отвел ее в сторону и мгновенно проснулся.

В темноте он увидел темную фигуру, склонившуюся над ним. В нос ударила вонь из рта того, кто склонился над ним и хрипло дышал прямо в лицо. Отвращение и страх пришли к Антону одновременно. Но при этом он каким-то чудом крепко держал руку этого трудно-различимого в темноте незнакомца, а в руке того был кинжал. Нападавший с силой давил и пытался воткнуть его Антону в глаз.

– Сука, – прошипел с натугой незнакомец, силясь преодолеть сопротивление Антона. – Чаба... Помоги, Он силен, как бык.

Антон дальше не раздумывал. Он резко локтем левой руки ударил нападавшего в темное пятно лица. Раз, другой, и почувствовал, как его хватают за ноги. Быстро согнув, он резко выбросил ноги вперед. Они ударили во что-то мягкое и стали свободны. Раздался сдавленный крик:

– Ох!

Он вновь с силой ударил, теперь уже кулаком, по вонючему пятну лица, и рука, державшая кинжал, неожиданно ослабела. Кинжал упал рядом с головой Антона, а нападавший отшатнулся. Антон, не выпуская чужую руку, крутанул кисть и с треском вывернул ее. Вот теперь емугодились навыки рукопашного боя. Антон как мог быстро поднялся и оказался лицом к лицу с темным силуэтом, стоящим возле повозки. Человек замахивался мечом. Понимая, что не успевает что-либо сделать, Антон резко оттолкнулся и полетел спиной назад. Зацепившись ногами за козлы, неловко вывалился из повозки. Больно приложился спиной и затылком о твердую землю, но все же сумел при падении сгруппироваться. Не зря два года ходил на «рукопашку»¹¹. Не останавливаясь, с гудящей головой, движимый одним инстинктом самосохранения, ужом пополз под вторую повозку, стараясь уползти как можно дальше от нападавших. В запальчивости, переходящей в панику, он стукнулся головой о колесо и, потеряв на время способность соображать, тыкался и больно бился головой о препятствия. Он застрял под повозкой и уже окончательно потерял способность думать.

Кто-то схватил его за ногу. Антон в ужасе заорал. Он уже не был способен о чем-либо думать. Перевернувшись на спину и не переставая орать, приподнял голову, увидел в темноте, как кто-то наклонился под повозку, и сильно приложил его ударом обеих ног. Пытавшийся удержать его ногу со сдавленным криком отлетел и упал на спину. Антон поднялся на четвереньки, пробежал несколько метров и, поднявшись, пригнулся. Прячась за повозкой, что есть

¹¹ **Рукопашка** – армейский сленг – Армейский рукопашный бой (АРБ) – универсальная система обучения приемам защиты и нападения, соединившая в себе многие функциональные элементы из арсенала мировых видов единоборств (ударная техника руками, ногами, головой, борцовская техника, болевые приемы), опробованная в реальной боевой деятельности.

силы побежал в темноту. Перемахнул через плетень и пополз в кусты. Под руку попался камень. Подхватив его, Антон несколько успокоился. Ощущение непосредственной угрозы прошло. Он привстал на одно колено и выглянул из кустов. В трех метрах, за плетнем, маячила чья-то голова. Недолго думая он размахнулся и со всей силы запустил камень в эту голову.

Раздался сдавленный всхлип.

– Ох ты ж, ё-моё... Туды тебя...

Установилась тишина. Антон сменил позицию и дрожащей рукой нащупал новый камень.

– Сэр... не кидайтесь. Это я, Эржай...

Антон молчал, понимая, что степняка могли захватить и заставить звать его. Могли еще отвлекать разговорами, а сами будут обходить. Антон, не выпуская камень, стал осторожно пятиться от плетня. Он отошел метров на тридцать и припустил со всех ног к поселку. Пробежал по улице и решил спрятаться в чужом дворе. Пересидеть там до утра.

Он с разбега перемахнул плетень и, не удержавшись, упал на колени. Поднял голову и замер, столкнувшись нос к носу с замершим огромным псом на цепи. Тот от неожиданности и наглости незнакомца припал на задние лапы и зарычал.

– Пе-есик. Хоро-оший песик... – засюсюкал Антон, и пес, услышав чужой голос, с утробным рычанием рванулся вперед. Антон вскрикнул, вскочил, быстро развернулся и, стараясь уйти от схватки с псом, прыгнул на плетень. Но зубы волкодава тут же сомкнулись на его ягодице.

– Песик... миленький... О-о! Сука-а! Гад! Скотина! – заорал Антон уже, не пытаясь спрятаться и, дрыгая ногой, отбиваясь от пса, перевалился через плетень на улицу. Пес отстал и только громким лаем провожал беглеца. Антон с трудом вскочил. Антон, ошалевший от всего случившегося бежал, припадая на раненую ногу. Он, как мог, ковылял подальше от постоянного двора, хромя, бежал сам не зная куда. Он просто хотел спрятаться.

Ему навстречу вышел патруль в серых сутанах.

– А ну стой! – скомандовал один из патрульных, и Антон с облегчением остановился.

– Кто такой? Почему бегаешь по ночам?

– Владелец Замка Грозные ворота сквайр Антей Алурийский... тяжело дыша и сдерживая стон, ответил Антон. На меня напали на постоялом дворе и хотели убить... Я сумел скрыться и прибежал сюда... Ох! Как больно-то...

– Это они вам штаны порвали, сэр?

– Нет, это пес. Огромный, как теленок. Я хотел спрятаться в одном из дворов, а он, сволочь, напал на меня. Ох! – Антон придерживал порванную штанину и прижимал рукой укушенное место. – Половину задницы, наверное, оторвал...

– Покажите, сэр. – Стражник нагнулся и успокаивающе произнес:

– Да нет. Только укус, задница на месте. Он вас, можно сказать, пожалел. Мог и насмерть загрызть. Здесь такие псы, что тура валят. Покажите место, где на вас напали.

– Пойдемте. – Прихрамывая и морщась от боли, Антон повел патруль к постоялому двору. Там уже всю стоял переполох. Мелькали горящие факелы, сустились люди.

Они подошли к повозкам. На них смотрел с синим опухшим лицом степняк. Губы его были разбиты в кровь.

– Он напал на вас, сэр? – вытаскивая из петли на поясе шестопер, спросил тот же стражник.

– Не знаю. Я не видел лиц. Темно было. Нескольким я заехал ногой в лицо и в живот, одному сломал руку. А одного ударил камнем в голову.

– Шер, это вы в меня попали камнем, когда я ваш жвал, – с трудом проговорил Эржай. – А нападавший – вон, лежит у телеги. Их было чрое. Одного я жаштрелил, оштальные шбежали. Наемники. Те, что ограбили вашего отша.

Стражники и Антон подошли к телу.

– Это Чаба. – показал Эрзай на лежавшее ничком тело. В спине наемника напротив сердца торчала стрела.

– Это вы его? – спросил стражник степняка.

– Да, я. Я прошнуровался когда услышал шум. Вижу, шэр Антей барахтается. Пока шватил лук, пока натянул тетиву, шер уже спрятался под телегой, а потом вообще удрал. Я одного шамого шуштрого пристрелил, ошталые убежали в темноту.

– Вы слуга сэра сквайра?

– Можно сказать и так. Он нанял меня для охраны. – нашелся Эрзай и с мольбой в глазах посмотрел на Антона.

– Да, – кивнул Антон.

– А почему вы тогда кинули в него камень?

– А кто там разберет в темноте, – ответил Антон. – Я увидел голову и запустил в нее камень, что попался под руку. Думал это меня преследуют бандиты.

– Камень? У вас же есть меч! Почему им не воспользовались?

– А вы тоже с шестопером спите? – вопросом на вопрос ответил Антон.

– Нет, не спим, сэр. Нам надо разобраться в деталях происшествия. Вы знали нападавших?

– Я не знал. Я тут недавно вступил в наследство. А Эрзай знал. Эти люди были наемниками на службе у моего умершего отца. Они обокрали его и скрылись. Четверых мы убили по дороге. Они нас тоже хотели ограбить. Пришлось защищаться. Их головы лежат в повозке, а эти, видимо, пришли мстить...

– А зачем вы привезли головы убитых?

– Хочу выставить их на кольях возле замка, чтобы бандиты знали, что их ждет.

– Ваше право, сэр.

– Стражник повернулся к Эрзаю.

– Назовите имена преступников и опишите их.

– Их ошталось двое. У одного вишла плетью рука, второй получил шапогом по роже.

Приметы верные. Одного жовут Чшига второго Фулол.

– Вы хотите сказать Цсига? – уточнил стражник.

– Я так и шкажал. Чшига. Вше верно.

– Хорошо. Вам нужна охрана, сэр?

– Думаю, что уже нет. Второй раз они сюда не сунуться, – отказался Антон от их услуг, понимая, что все подобные услуги стоят недешево.

Стражники степенно, с чувством собственного достоинства, покинули постоялый двор. Ушли, оставив тело убитого возле телег. Постепенно шум стал стихать, и люди, так же спавшие в возах и выбежавшие на шум, постепенно растворялись в светлеющем утреннем сумраке.

Глава 4

– Батюшки! Это тебя лошадь лягнула? – остановившись как вкопанная, поинтересовалась Франси, изумленно разглядывая Эрзая, когда у нее прошел первый шок от увиденного и появилась способность говорить.

– Не лошадь. Шер, – сильно шепеляво и морщась от боли, произнес степняк.

– Шер? Я не видела тут шеров.

– Не шер, а шер. Вот он. – Эрзай указал пальцем на бледного Антона. Тот не мог сидеть и, хромая, придерживая рваную штанину рукой, ходил взад и вперед около телег, страдая от боли.

– А у вас что, милорд?

– Вот, – Антон указал на штану и пояснил: – Укус. И штаны порваны.

– Так это вас Эрзай укусил, а вы его, значит, в ответ лягнули! – с серьезным видом выдвинул свою версию Флапий, разглядывая Антона и его рваные штаны, стыдливо прикрытые рукой, и с укором посмотрел на степняка. – Ты зачем милорда укусил, негодник? – осуждающе спросил он.

– Нет, меня укусила собака. Вот такая здоровая. – Антон показал размер собаки руками и добавил: – Как теленок.

– Да-а? Значит, вас укусила собака, а вы в ответ лягнули Эрзая, чтоб, стало быть, не зевал... – продолжил строить свои версии происшедшего Флапий.

– Я Эрзая не лягал, – отмахнулся Антон от этого необоснованного обвинения.

– Лягал, – неожиданно заявил степняк.

Антон вытаращился на степняка, на время позабыв об укусе.

– Как лягал?! Ты что такое говоришь. Я ж тебя только камнем приголубил! У плетня.

– Интересное дело, – разглядывая обоих мужчин, произнесла Франси. – Вы его еще и камнем по лицу стукнули... А чего не мечом? Если хотели убить, так били бы насмерть. Зачем издеваться над человеком?

Антон застонал:

– У-у. Непонятливые! Я не хотел его убивать... и не лягал.

– Лягали, шер.

– Когда это я тебя лягнул? – возмущенно переспросил Антон. – Я тебя вообще не видел.

– Вы, шер, полжали под телегой и бились головой о колесо, а я ваш шхватил жа ногу и хотел вытащить... Вы ражвернулишь и как врежали мне по личу ногами, я и упал. А потом вы удрали череж жабор. Я штал ваш жвать, а вы в меня камнем... Вот.

– Так это ты меня под телегой за ноги хватал?

– Я, шер.

– А чего не назвался?.. – Антон с искренним удивлением смотрел на Эрзая.

– А вы шпрашивали? Вы шражу лягаться начали...

– Милорд, вы лазили под телегой? Бились головой. Зачем? – спросил еще более сильно удивившийся происшедшим Флапий.

– На меня во сне напали и хотели прирезать, я спасался...

– Так вам сон приснился? – спросил сбитый с толку старый слуга и подозрительно, искоса, как на сумасшедшего посмотрел на Антона и быстро отвел взгляд.

– Еще чего! Не выдумывай. И не смотри на меня как на сумасшедшего. Я здоров. Я спал, а на меня напали трое наемников отца. Они пришли мстить. Я еле вырвался из их рук. Был без оружия. Что мне оставалось делать? Лезть на мечи с кулаками? Я и убежал. Откуда я знал, что меня хватает за ноги Эрзай... Подожди-и... Антон замолчал и, удивленно вскинув брови, всем телом повернулся к степняку. – А зачем ты меня хватал за ноги?

– Я хотел ваш оштановить. Двое убежали. Третьего я жаштрелил. А вы полжали, как червяк, под вожом. Потом еще через плетень перемахнули. Шобрался ваш пожать, а тут камень как дашт и по жубам. Метко кидаете.

– Вот в чем дело. – покачала головой Франси. Вы, стало быть, убежали, и по дороге вас покусала собака.

– Примерно так и было.

– И куда, милорд, она вас укусила? – полюбопытствовал неугомонный Флапий.

– Куда надо, туда и укусила, – раздраженно и стыдась рассказать, куда именно, ответил Антон и тут же пожалел о своих словах. Флапий все понимал буквально.

– Стало быть, вам надо было, чтобы после того как вы убежали, вас покусала собака, милорд. Ну что ж, это ваше право...

– Остановись, Флапий! – затряс руками, сжатыми в кулаки, Антон. Он просто озверел от глупых несурзных домыслов старика. – Не доводи до греха! Мне не надо, чтобы меня кусали собаки. Если тебе так интересно, она укусила меня за задницу. А я убежал. И он погрозил обоим супругам пальцем. И не надо сейчас говорить, что я всю ночь от кого-то бегал как сумасшедший. Знаю я вас. Навыдумываете себе... Лучше скажите, есть тут какое средство, чтобы полечить меня, и Эрзая.

– Есть, как не быть, вам я куплю у братьев Заката эликсир, а Эрзая сама полечу. Еще на негодника деньги тратить! Не мог ротозей милорда уберечь.

– Так я же говорю, не ушпел. Прыткий он больно, – стал оправдываться расстроенный Эрзай.

На исходе дня усталый и измученный Антон вернулся в замок. Упал на сеновале возле конюшни и, согретый радостным Патроном, проспал всю ночь как убитый.

Франси выполнила свое обещание и, когда они отъехали от обители на приличное расстояние, наложила руки на голову Эрзаю, и голова степняка покрылась россыпью разноцветных искорок. На глазах его лицо стало приобретать нормальный вид. Отеки исчезли, синяки рассосались, вот только передних зубов у него не было. Блаженно улыбаясь, он производил впечатление не совсем психически здорового человека. Ну как можно радостно улыбаться, не имея передних зубов? Но Франси Антона успокоила:

– К весне зубы вырастут.

Сама она как-то осунулась и выглядела после лечения сильно уставшей и постаревшей.

К обеду о том, что случилось с милордом, знал весь замок. Послonyaвшись по замку без дела, Антон зашел к шеру в кузницу. Тот постоянно там торчал, но чтобы что-то делать, такого за ним Антон не наблюдал. В кузне, как говорили местные, как и в замке, царили беспорядок и запущенность.

Торвал встретил Антона хитрой улыбкой, плохо прятавшейся в причесанной бороде. Из-под густых кустистых бровей на молодого хозяина замка был устремлен нарочито серьезный взгляд.

– Ваша милость, заходите. – пригласил он. – Здесь я живу. И здесь вы можете себя чувствовать в полной безопасности. Сюда не только ночные разбойники не заходят, но и собаки тоже. Да и от Эрзая не так близко, он последние зубы сумеет сохранить.

Антон улыбнулся и едко спросил:

– Ты, стало быть, будешь меня защищать, Торвал, вместо Эрзая? Это хорошо. А не боишься?

– Чего? – веселый огонек в глазах шера немного поукас.

– Остаться без зубов. Я же не разбираю, в кого камни кидать.

– А вы, значит, и в самом деле размахнулись и врезали камнем Эрзаю по его степной морде? Как-то это не по-рыцарски, – покачал головой шер.

– А я еще не рыцарь. И вообще, драться можно всем, что попадет под руку.

– Э-э, не скажите, ваша милость. Если вы начнете, как простолюдин, при рыцарях кидаться камнями, вас заплюют. Позора не оберетесь.

Антон задумался и спросил:

– Ты это точно знаешь?

– Как же мне не знать, я с вашим отцом много где побывал. Много видел, еще больше слышал. У рыцаря его оружие – копье и меч. Это его статус. И ронять статус нельзя. А камни – это для простолюдинов, у которых нет мечей.

– Я тебе так скажу, Торвал, – не согласился Антон, – если можно будет по-тихому прибить рыцаря без всяких там правил, я это сделаю, и мне плевать на их кодекс. Он придуман для дураков. Надо будет, и морду камнем разобью...

– Интересный вы человек... А вы вообще сквайр?

– Ну, так считают другие. Я им верю, – ответил Антон.

– Благородный человек, – с серьезным видом поучал шер, – должен и умереть благородно, если к этому дело идет. С гордо поднятой головой, чтобы по его смерти о нем слагали песни. Но за камень браться? Ни-ни. Не моги и думать. Тем более убегать от врага! Это для него позор.

– У вас тут все сложно! Чтобы сразиться с мечником, нужно сражаться мечом, иначе заплюют. Неравные условия, скажу я тебе. Это то же самое, что подставить голову под топор палачу. А Эрзай из лука меньше чем за одну минуту убил двоих мечников. Я тоже хочу научиться стрелять из лука.

– Зачем?

– Как это зачем? Пока до меня доберется громила с мечом, я его стрелами истыкаю. Мне нравится дальнобойное оружие. А железом махать...

– А железом махать вы не умеете. Я правильно вас понял? – пряча с улыбку в бороде, спросил Торвал.

– Как раз махать умею, но сражаться нет, не умею. Так Эрзай сказал.

– Это который? – сделав серьезный вид переспросил шер. – Тот, кому вы зубы выбили?

– Торвал, может, хватит подначивать меня... я ведь тоже могу... Сказать.

– Да и что?

Антон не сдержался.

– Будешь подначивать меня, когда подрастешь. Ты, наверное, в детстве мало каши ел, вот и не вырос. Еще?..

Шер смотрел на Антона широко раскрытыми глазами и сидел неподвижно. Словно окаменел. Он даже не моргал. Затем в его бороде что-то заклокотало, и это клокотание перешло в булькающий смех.

– Как... как вы, ваша милость, сказали? Мало каши ел?.. – Шер уже не мог сдержаться и, завалившись на лавку, стал заразительно и громко смеяться. Ох, остановите меня... я умру... Вы это специально. Вам Торвал надоел и... ох, меня... ох, убить смехом хотите... – Антон смотрел на шера и не понимал, что он сказал смешного. Спрашивать не решался, дабы не попасть впросак. Тут любое неосторожное слово воспринималось не так, как на Земле...

Пока шер смеялся, Антон оглядел кузницу и задумался: «Кузница есть, а кузнеца нет». А Торвал, оккупировавший ее, непонятно кто. И еще подход к нему нужен. А оно ему надо – прогибаться подо всех?.. Хотя...

– Торвал, – Антон решил перевести разговор со скользкой темы в другое русло. – Может, тебе в кузне помочь?

– Помочь? – вытирая слезы, спросил Шер. – А кто будет помогать?

– Ну, хотя бы я.

– Вы-ы? Ну, вам, ваша милость, я отказать не могу. Вот не могу, и все. Приберитесь тут, пока я к знакомому схожу, и я буду вам премного благодарен.

– Прибраться? Да без проблем. У тебя, действительно, тут присутствует беспорядок.

– У меня беспорядок?.. Ну, тогда прибирайтесь, а я пошел.

– Иди, иди, Торвал. Придешь и свою кузню не узнаешь.

– Это ваша кузня, ваша милость.

– Ну, тем более. Приходи через два часа.

– Ну-ну... посмотрим... – многозначительно сквозь зубы процедил шер. И, насвистывая какую-то душераздирающую мелодию, под которую можно только повеситься, раскачивающейся походкой бывалого моряка вышел вон из кузницы.

Антон проводил его простодушным взглядом.

«Посмотрим, как ты засвистишь, когда вернешься?» – мысленно произнес он ему в спину.

Через пару часов Торвал вернулся, и не один, а вместе со шербатым Эрзаем.

– Вот – улыбаясь во весь рот, радостно произнес чумазый Антон. – Теперь здесь полный порядок.

Ухмылка медленно сходила с губ шера. Он растерянно оглядывал пустую кузницу, которая сияла почти первозданной чистотой. Полы выметены. пыль на верстаке и наковальне протерта. Вековая копоть исчезла, а стены и потолок были побелены известью. Его кровать с одеялом, возраст которым был столько, сколько, по-видимому, и Торвалу, исчезли, и из-за новой занавески виднелись только ребра досок.

«Когда только успел?» – промелькнула мысль, и на ее место пришел ужас. Но... Но! В кузне, кроме наковальни, молота, верстака и горна, ничего не было. Не было запаса древесного угля. Не было заготовок и, самое главное, исчезли его инструменты.

– А где уголь? – тонким срывающимся голосом, не в силах справиться с постигшим его ошеломлением от увиденного, спросил ошарашенный шер.

– Уголь? Какой уголь? Остатки костра? Выкинул.

– Выкинул... – как эхо повторил Торвал. – А мои инструменты?

– Это которые?

– Те, что везде были тут.

– Тут?

– Да, тут!

– Это те, что были мятые, сбитые?.. Выкинул.

– Куда выкинул?

– На помойку, за забор, куда мусор скидывают. Куда же еще. Им там самое место, – довольно улыбаясь, отвечал Антон. – Ну как, нравится?

– На помойку!.. – казалось, шера сейчас хватит удар. Он ни слова не говоря развернулся и опрометью бросился вон из кузни. – Тачка! Где тачка? – заорал он снаружи и вновь заскочил в кузницу.

– Там же, на помойке. Она неопрятная, – спокойно ответил Антон. – Да, я забыл предупредить, теперь, когда заходишь, вытирай ноги... И потом, зачем тебе, Торвал, инструменты? Ты все равно ничего не делаешь. Спишь да ешь.

Торвал сжал кулаки и замычал:

– У-уу... – Вновь развернулся и со скоростью набиравшего ход тепловоза, издавая предупреждающие гудки «у-у-у», помчался по двору замка.

Антон беззвучно засмеялся и посмотрел на стоящего столбом у дверей кузницы сильно удивленного Эрзая.

– Эрзай, – попросил он, – ну-ка, помоги мне. А то скоро шер вернется.

В самом деле, шер не заставил себя ждать. Он влетел как пуля. Весь перемазанный навозом и какими-то объедками. В волосах на голове и в бороде застряла прелая солома. Издавал

он малоприятный запах и, заскочив, бледный как смерть, с трясущимися руками, заорал во все свое могучее горло. Только крик у него вышел тонкий, как сирена.

– Та-ам, там... – и уже тихо продолжил: – Ничего... нет... – Он оторопело смотрел на аккуратно разложенный вычищенный инструмент. На ящик, где лежали запасы древесного угля, и молча моргал, не в силах что-либо произнести.

– Конечно, нет. Я что, дурак – их выбрасывать. Я отдал их Флапию почистить. Может, продадим?

– Но... но ты сказал... – Торвал выглядел настолько растерянным и обескураженным, что Эрзай не выдержал и захохотал во весь беззубый рот.

– Да я просто пошутил, Торвал, – слегка скривив рот в улыбке, отозвался Антон. – Прочитать тебя хотел. – Теперь взгляд его стал строгим, а речь суровой и поучительной. – Чтобы ты на будущее знал, что нельзя хозяина замка, который дает тебе приют, заставлять убираться в кузнице. Ты, наверное, думал, что со мной можно обращаться, как с мальчишкой? Будем считать это твоей первой и последней ошибкой в мой адрес. Иди умойся и приходи, отметим уборку кузницы настойкой и прелестной закуской, что приготовила Франси...

Когда шер, раздирая ему уши своим свистом, ушел, Антон быстро сбегал к Франси и рассказал, какую пакость он задумал, чтобы проучить зарвавшегося шера. Получив от нее полное одобрение своих действий, он вдобавку получил троих помощников: Франси, Флапия и птичницу, крепкую молодуху лет тридцати, Кили. Кстати сказать, весьма привлекательную, как мимолетно заметил Антон. Здесь, по его мнению, женщины отличались от земных неземной красотой, и не заметить это было трудно.

«Блин! Сколько соблазнов?» – мимоходом подумал Антон.

Франси смогла его удивить и в этот раз. Она обошла, делая пассы руками, кузню и произнесла:

– Все. Можно работать.

И работа закипела. Антон только глядел по сторонам, не успевая что-либо предпринять. Троица как заведенная все делала сама и неимоверно быстро, не давая Антону поучаствовать. Ему оставалось лишь запустить руки в уголь и вымазать себе лицо, для того, чтобы Торвал не засомневался, что все это сделал он сам...

Торвал вернулся умытым через четверть часа. Остановился на входе и о разложенную у дверей тряпку, стал старательно вытирать ноги. Антон еле сдержал улыбку.

Вечером, сидя на ступеньках башни они с шером смотрели на звезды. Эрзай ушел к себе в конюшню, Франси и Флапий – в опочивальню. А они сидели и молчали.

– Хорошо вы меня, ваша милость уели, – прервал молчание шер. – Я понял, что зарвался. Простите.

– Уже простил, Торвал. – Антон достал монету в пятьдесят дибар и повертел в руках. Неожиданно ему пришла на ум мысль.

– Вот, смотри, Торвал, у нас есть медь. Много меди. Вот если бы наделать таких монет, наштамповать, здорово бы было. Мы бы могли купить семена филиссы для посадки.

– Так тут не только медь, здесь и серебро еще имеется. Это в одном дибаре сплошь медь, а в десяти, в двадцати и в пятидесяти дибарах присутствует серебро, только в разных пропорциях. Любой меняла заметит подделку.

– Так проблема не в серебре. Я так понимаю, его нужно немного, – ответил Антон. – А вот сделать форму, биток и набить монеты – это самое сложное.

– Это как раз несложно. Отлить стальную форму трудности не составляет. Где серебро взять? Вот в чем вопрос.

– Постой, ты можешь наделать такие монеты?

– Без проблем. Будет серебро – настучу, сколько надо. Только это дело следует держать в тайне. Делать медные монеты может каждый герцог. Но вы пока не герцог. Серебряные могут чеканить короли, а империалы лишь императорский монетный двор.

– Так серебром я тебя обеспечу, отдам столовое серебро. Оно пойдет?

– Пойдет. Только вы, ваша милость, точно благородного происхождения?

– Я и благородный, и умный, Торвал. Ты разве этого не заметил?

– Что не дурак, это видно... А вот в остальном...

– А что в остальном? Тебе показать наследственную грамоту?

– Не надо. Просто ни один сквайр на это бы не решился.

– Это потому, что у них нет шера, Торвал. Мне отец оставил разоренный феод. Но настоящее золото живет в замке.

– Спасибо, ваша милость, – улыбнулся шер.

– Называй меня при всех сэр, а наедине просто Антей.

– Хорошо, Антей, давай сюда твою монету, пойду приниматься за дело.

– Подожди.

– Что еще? Империалы делать будем? – пошутил шер.

– Империалы? А ты и их можешь наделать?

– Наделать смогу, но там состав серебро, медь и золото... Подбирать надо.

– А что, монеты не из чистого золота? – удивился Антон.

– Конечно, нет. Кто же будет делать монеты из чистого золота? В этом и смысла нет. Тогда уж проще было бы резать золото по кусочкам... Да и где столько золота взять?

– Найдем золото – будем делать империалы. Но я не об этом хотел спросить. Ты знаешь, как потравить клопов?

– А что тут знать? Берешь серу, буру, траву – колючку дьявола. И в камине сжигаешь. Образуется дым, и клопыдохнут от него. Только надо дымоход закрыть и ставни в комнате.

– Так, а где взять серу, буру и эту колючку?

– Серу и буру дам я, а колючку... Отдай приказ Флапию, чтобы крестьяне натаскали, ее тут полно.

– Короче, все есть под рукой, а они живут тут с клопами? Они что, их не кусают?

– Если ты родился с ними и с детства жил, то уже и не замечаешь. Привыкли. Еще вопросы есть?

– Пока нет. Пойду на сеновал. Патрон, пошли. – Спаниель, мирно спавший у его ног, вскочил.

– Береги своего охотника, иначе его петух заклюет, – рассмеялся Торвал.

– Нас не заклюют. Правда, Патрон?

Пес уныло поглядел в глаза хозяину и поплелся следом. Птичий двор он теперь проходил с опаской.

Антон залез на сеновал, что примыкал к конюшне. Медвежья шкура и бело-серая, из грубого льняного полотна, простыня были свернуты в рулон и лежали на самом верху, под крышей. Антон снял батильоны и узкие штаны. В бочке с дождевой водой умылся, обмыл ноги и прополоскал шосы. Носки Антон решил сохранить, чтобы как-нибудь потом найти мастера, что сможет по их образу и подобию наделать ему их копии. Чулки он закручивал валиком до щиколоток. Выглядел он, конечно, по меркам Земли, как клоун, но с этим ничего поделать не мог. Он должен выглядеть как сквайр. В общем, неожиданно для себя Антон вошел в роль феодала. Неистребимая жажда жизни заставляла его очень быстро приспосабливаться к изменившимся обстоятельствам в его положении. Зачем ждать от моря погоды, когда власть можно применить здесь и сейчас, для выживания. Переданные ему предками упорство и зачатки силы воли проявились в критические минуты и в короткий срок преобразили увальня-стажера в

затаившегося хищника. А неприятности, случившиеся с ним в дороге, только закалили его и укрепили в мнении, что сопли жевать не стоит и нужно окружающий мир прогибать под себя.

Утром Антон, следуя принятому правилу делать все, не откладывая на завтра, развил бурную деятельность. Флапий был отправлен искать колючку. Кили, подоткнув подол платья за пояс и выставив напоказ красивые ноги, которые никогда не видели солнца и сверкали мраморной белизной, усердно конопатила паклей из льна щели в ставнях бойниц комнаты лорда. Антон, полюбовавшись на ее красоту, собрался уходить. Кили, заметив взгляд молодого хозяина, лукаво улыбнулась.

– Я вам нравлюсь, милорд?

Антон не стал жеманиться и просто ответил:

– Нравишься, Кили. Ты красивая.

– Спасибо, милорд. Если хотите, я сегодня буду греть постель не Эрзаю, а вам.

Антон поперхнулся.

– Кхм. Нет, Кили, не надо. Не прыгай из одной постели в другую.

– Так я не собиралась прыгать туда-сюда. Я хотела к вам в постель перейти.

– Понимаю, но оставайся с Эрзаем.

– Как прикажете, милорд. Но если передумаете, просто скажите...

– Хорошо, Кили. – Антон поспешил покинуть комнату и уйти от скользкого разговора. Несомненно, Кили женщина красивая и доступная. Скорее всего, она делила постель и с Робартом, а потом, когда у того появилась Роза, перешла к Эрзаю. И, кроме того, Антон знал, что местные красавицы не умываются, не чистят зубы и, скорее всего, не ходят в баню. Бани в замке не было. И, хотя от них не воняло потом и грязным телом, он не мог преодолеть врожденную брезгливость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.